При участии Дениса Логинова, моего внука

ГЛАВА I

1. Перед тем, как я возник на свет

Мне 14 лет, зовут Кирилл. Имя дали в честь деда, ничего оригинального… А так-то у меня по жизни кликуха – Заморыш. Обидно, конечно, но я был таким всегда. Даже когда ещё не родился, уже был заморышем.

Поселок, где я появился на свет и живу, называется Лесостепной. От леса здесь в окрестностях – редкие лесополосы, которые каждый год пожары изводят. Ну а степь – прямо за окном, выветривается пыльными бурями. А вдалеке виднеются горы. Вот такая моя малая родина, как сейчас говорят. Нет, конечно, если про наш поселок кино в стиле фэнтези снять, то – да! Кадры будут здоровские. Но это сейчас не по теме. А вообще наши края по телеку называли «неоднозначным регионом». Потому что бывшая «горячая точка» недалеко. От нас в ту сторону летали «вертушки» – вертолеты, значит.

Короче, перед тем, как я возник… Моя будущая мама – тихая, вся в комплексах и семнадцатилетняя – была студенткой сельскохозяйственного техникума. Технарь, значит, по-нашему.

Мой будущий папа только что закончил профтехучилище и работал в местном колхозе трактористом.

В общем, со всех сторон – не фонтан… Ну, понятно, в нашем поселке, который «ни к селу ни к городу», какой может быть «фонтан»?

Не представляю, как мама познакомилась с моим будущим папой при её комплексах? Вообще – фантастика! Она катастрофически боялась подходить к парням. Но познакомили их как раз технари, чтобы приколоться:

– Давай для хохмы сведём Иринку с Костей, – ржали одногруппники. – Интересно, что эти пионеры будут делать?

– Вот Иринка, – показали моему будущему отцу мою будущую маму с грустными серыми глазами. – Она просто мечтает о тебе!..

– А это Костя, он влюбился в тебя с первого взгляда! – представили мою родительницу будущему же моему бате и все хором заржали.

Ну, примерно, так это у них происходило. Нельзя сказать, что моя мама влюбилась в папу. Он просто ей понравился. Папа был высоким парнем, только очень худым. Наверное, на тот момент рост – это было его единственное достоинство. Хотя, нет, не единственное – он ещё хорошо ремонтировал мотоциклы. Я-то понимаю, что это классно, а маме тогда было всё равно. Она просто обрадовалась, что на неё обратил внимание такой высокий парень. Точнее, повёлся на чьи-то приколы. Моя будущая мама конкретно боялась, что к ней больше никто не подойдёт…

– Ничего, что худой. Были бы кости, а мясо нарастёт, – сказала её подружка Галя, которая всё про всех и всегда знала. Она была старше мамы, уже окончила медучилище и работала в местной амбулатории медсестрой.

Честно говоря, мой будущий папа был даже не худой, а просто тощий. И девчонки на него, конечно, тоже не обращали внимание. Но пацаны, у которых были мотоциклы и мопеды, относились к нему нормально. То есть, посмеивались, конечно, над ним. Но папа соображал в технике, и потому его сверстники особо не доставали.

Вот такие у меня намечались предки.

Когда они познакомились, бате было 18 лет. Но в армию его пока не брали из-за дефицита веса – 55 кг при росте 185 см. Хотя тогда гребли всех подряд – была война в Чечне.

Родственники папы настаивали, чтоб он быстрее женился и сделал двух детей. Тогда полный отмаз – в армию не заберут. Так что мои будущие папа с мамой познакомились, можно сказать, в нужное время.

Молодой тракторист подъезжал к техникуму на собранном своими руками мопеде-драндулете, пыхтевшем синим дымом. Его постоянно преследовал запах солярки и бензина. Мама тогда стеснялась сказать ему об этом «букете», а девчонки из технаря воротили нос:

– Фу, чем воняет?! – над несуразной парочкой откровенно насмехались. Может, это моих будущих родителей и объединило.

Короче, окончания маминой учебы в техникуме дожидаться не стали – чего в пионерах ходить-то? Во-первых, надо было долго ждать – ещё два года. Во-вторых, это ничего не меняло. Карьеру после техникума мама не могла сделать по умолчанию. Она должна была стать технологом по хранению и переработке зерна. Но к тому времени все колхозы разваливались, зерна собирали крохи. Ушлые председатели сдавали его на спиртзаводы, а не на элеватор. Он, этот элеватор, где могла бы работать мама, закрылся и угрюмо торчал на окраине посёлка, как чернобыльский саркофаг. Так что маме все равно негде было работать и нечего хранить. Значит, одна дорога – замуж.

Короче, женились… Мой дедок – Кирилл, мамин отец, хоть и был вечно в легком подпитии скотник, понимал, что дочке надо справить свадьбу как у людей. Правда, у него были свои планы на замужество

дочки. Дед Кирилл хотел, чтобы на маме женился молодой зоотехник с их фермы Мишка – кривоногий, мохнатый. Маме он точно не нравился. Но дед Кирилл не настаивал на зоотехнике. Пусть будет этот тощий тракторист Костя. Лишь бы дочке было счастье. По поводу свадьбы: «Решил – сразу действуй», сказал дед. Он набрал долгов на целый год и замутил гулянку на полпосёлка:

– Чтоб не хуже, чем у людей! – сказал дед и сделал.

Не знаю, какая получилась свадьба. Говорят, классная. Я, понятно, не видел, потому что должен был по планам появиться на свет только через 9 месяцев. Я и мой брат-близнец, а может, сестра. Как выйдет.

– Главное, чтобы было двое детей, тебе полный отмаз от армии, – резонно сказали батины родичи. – А пока ты, Костя, вес не набирай.

Отцовская родня ходила к бабке-шептунье, которая рассказала, как сделать, чтобы их невестка, то есть моя мама, понесла двойню. Начали считать-вычитать, родословную перебирать – есть ли у кого в роду двойни? Оказалось, что нет. Но стараться надо. Зелье всякое заваривали, травы под перину клали…

Мне 14 лет, и я давно знаю, что дети – хоть двойня, хоть тройня – не в капусте находятся. Ну ладно, это для «категории 16+», как говорится. Короче, народные средства не помогали – я с братом-близнецом не рождался. И с сестрой-двойняшкой не рождался. И даже – один… Вот так. ☹

Папины родичи стали подумывать о смене невестки:

– А что если поженить Костю вон на Вальке? Мать-одиночка и детей двое… Усыновит их и всё путём, всё законно.

О, как придумали! Что ли это были бы мои сводные братья? Или как там их называть? Хотя, я бы тогда не родился… Даже заморышем. Кому бы они были братья? Кстати, сейчас мои «сводные братья» – Амбал и Хлюст рулят в нашей школе. Но о них потом.

2. У деда случился разрыв сердца из-за… телёнка

Повестка из военкомата бате между тем пришла. Я честно скажу: папа в принципе отнесся к этому спокойно – надо, значит, надо… Между прочем, он в детстве мечтал в Суворовское училище поступить, а потом офицером стать. И когда повестку получил, в принципе был готов идти в армию.

Но старики думали иначе. Чтоб не «сиротить» дочку, то есть мою будущую маму, дед Кирилл, который ещё не расплатился с долгами за свадьбу, как у людей, пошёл решать вопрос. А к кому ему идти? Даже с женой не мог посоветоваться. Она, то есть моя будущая бабушка, после очередного запоя деда Кирилла, бросила его и уехала в большой город свою жизнь по-нормальному налаживать.

Вот дед Кирилл, ни с кем не посоветовавшись, пошёл решать вопрос к начальнику своему – заведующему колхозной МТФ Трофимовичу. Это не морской торговый флот, как можно подумать, а молочно-товарная ферма, где коров доят, молоко, значит, добывают.

– Трофимович, у тебя связи, авторитет, – обратился дедок к завфермой. – Выход на военкоматских есть. Зять-то у меня реально больной желудком, но ведь затаскают по комиссиям, загребут в Чечню. А дочка моя как? Только ведь поженились. Ты ж, Трофимович, сам на свадьбе молодым прилюдно обещал: если какие проблемы, то обращайтесь.

– А что ж они не обращаются?

– Ну, сам понимаешь, считай, еще малолетки, – стал отмазывать дедок моих сильно стеснительных будущих родителей.

– Ну уж и малолетки, – хмыкнул Трофимович. – Свадьбу играть – не малолетки, а вопросы решать – малолетки. Так не бывает.

– Ну, Трофимович, уважь. Должником твоим буду…

– Да ты и так мой вечный должник! Постоянно под градусом, комбикорм да молоко на ферме приворовываешь. Что, думаешь, я не знаю? Другой бы на моём месте тебя давно выгнал с работы, а я всё терплю.

– Ну так я ж пашу как трактор, Трофимович! Я же безотказный в работе.

– Ладно, трактор безотказный… Есть у меня завязки в военкомате, попробую, – вздохнул тяжело заведующий МТФ. – Иринку-то свою пришли ко мне. Поможет мне с месячишко учёт молока вести. Как у неё с грамотёшкой?

– С грамотёшкой-то нормально, техникум заканчивает. Только ты, Трофимович, не того... Не балуй, хоть ты и мой начальник, а дочку в обиду не дам. – Дедок сжал мозолистыми руками отполированные вилы. Те, которыми сено раздают скоту и навоз, извиняюсь, в стойлах убирают. С четырьмя острыми зубьями.

– Слушай, ты пришёл вопросы решать или как? Ладно, – смягчил тон завфермой, – будем думать. Раз Трофимович обещал, значит, Трофимович сделает. Выйду на самого военкома!

Короче, связался заведующий МТФ с каким-то военкоматским, чтобы отмазать батю моего от армии. Хотя папа реально тогда болел желудком и был у него дефицит веса, я ж говорил. Но отмазывать всё равно надо было.

Знакомец Трофимовича оказался не военком, а всего лишь толстый прапорщик из этой конторы. Короче, переложил он, этот прапорщик, папину папку с документами куда следует. Точнее, куда не следует, ну и про него, про моего будущего батю, военкоматские как бы забыли. Понятно, что и завфермой, и военкоматский прапорщик помогали скотнику отмазать зятя от армии не задарма.

– Значит, так. Выходишь в ночное дежурство, – дал распоряжение моему деду Трофимович. – Двух тёлочек красно-пёстрой породы выведешь через задние ворота. Там будет ждать тебя машина. Твоё дело погрузить животину и держать язык за зубами. Сам понимаешь, это лично для военкома, у него в степях брат-фермер скотину держит.

Дедок мой Кирилл, вечно выпивший, пошёл ночью на ферму по-трезвому и вывел оттуда двух тёлочек. В условленном месте, за скирдой соломы, ждала «буханка» – это «уазик» типа «скорой помощи». Два ведущих моста – я сейчас разбираюсь. Прёт по полям, по пустырям, как танк!.. Ну, сейчас не об этом. Короче, погрузили двух тёлочек в эту самую «буханку». А моему деду и говорят мохнатые мужики с золотыми зубами:

– Эй, зоотехник, давай еще одну тёлочку… Это между нами, никому не болтай.

Дедок мой был простым скотником, а не зоотехником. Потому он даже загордился, когда его так назвали. Зоотехник же на ферме тоже большой начальник! Потому дед и пошёл за третьей тёлочкой – опять же долги за дочкину свадьбу не все отдал.

Мохнатые с золотыми зубами тут же рассчитались за третью «лишнюю» телку. Правда, чуть не доплатили – сказали: «Потом…». Всё вроде прокатило спокойно…

Трофимович списал, понятно, двух телочек как падёж. То есть что они издохли. А что тут такого – скот на колхозных фермах, бывает, дохнет, это люди умирают. И то не все – некоторые дохнут.

Дед мой, скотник Кирилл, – умер. Только успел расплатиться с долгами – и тут же разрыв сердца. После того, как «таблетка» увезла трёх красно-пёстрых тёлочек мясомолочной породы в голую степь. Там жили в основном чабаны, к которым милиция, тогда она так называлась, в одиночку не совалась. Но она, милиция, в виде помощника участкового, молоденького сержанта, разведала про угон скота всё. (Этот участковый, уже в чине, возникнет ещё в нашей с мамой жизни). Пропажа тёлок подтвердилась – всё указывало на скотника, который дежурил в ту ночь. Потом к деду на ферму приехала группа захвата с автоматами. А он взял и умер прямо на работе – разрыв сердца. Вот так ☹

Трофимович на похоронах сказал:

– Кирилл – настоящий мужик, хорошо умер, никого не потянул за собой.

Помощник участкового, который там тоже был, спросил:

– А кого он должен был потянуть за собой?

Завфермой прямо на похоронах нагло так засмеялся:

– Догадайся с трёх раз…

Молоденький сержант недогадливый оказался. Но потом по службе у него попёрло – звездочку на погоны получил, участковым назначили и всё такое.

3. Кесарю – кесарево, а кесарёнку… лужа безденежья?

Короче, через год, уже после смерти деда Кирилла, предстояло родиться мне. Как оказалось, одному. В подробности вдаваться не буду – это для категории «16+», а я – «14+» … Одно скажу: скорее всего, я был самым дохлым, извиняюсь, сперматозоидом. Мама тогда заканчивала технарь, то есть сельхозтехникум, и постигла науку – как хранить зерно. А папа в это время из колхоза ушёл – там вообще не платили. Работал он газонокосильщиком в райцентре в «Зеленстрое». Всё лето и всю осень косил траву вдоль дорог и на газонах – глотал пыль и копоть. Вообще-то это была единственная газонокосилка у них на работе, так что бате повезло. Видать, от придорожной пыли и выхлопных газов, которые глотал отец, я и вышел заморышем.

Мама, вынашивавшая меня, зубрила бесполезную технологию переработки зерна. Видно, сильно перезубрила, потому к учебе у меня стойкая аллергия. Это врожденный рефлекс. Или приобретенный?

Короче, тут всё понятно: если я такой – без тяги к учебе, то виноват в этом, наверное, мамин сельхозтехникум, а заморыш – потому что батя выхлопных газов и пыли наглотался. Я так стал думать давно, ещё когда в первом классе учился, потому что всезнающая медсестра тётя Галя сказала:

– Это мама в техникуме переучилась и отбила охоту к учебе у дитя ещё в утробе, а отец выхлопных газов наглотался, вот и результат.

Кстати, когда я родился, тётя Галя посмотрела на меня и сделала вывод:

– Этот – не жилец…

Я на неё не в обиде. Она ж медичка. А сказала так, потому что я был как вялый огурец – худющий и сморщенный, да ещё синий.

К тому моменту, как мне появиться на свет (уже затравленному маминой зубрежкой и нанюханному папиным бензином), мама моя лежала в больнице на сохранении плода. Плод – это значит я.

Не помню, как я барахтался в утробе матери, но… запутался в собственной пуповине. Про это я услышал лет в пять, когда между собой разговаривали соседские тётки. Я тогда смотрел на свой пупок и не представлял, как можно в нем запутаться. Оказалось, пупок – это не пуповина. Ну плавал я, плавал в маминой утробе, как космонавт в невесомости, и запутался. Пуповина, которая вовсе не пупок, обвилась вокруг моей шеи.

Представить это трудно, а выпутаться вообще невозможно. Короче, пришлось извлекать меня на свет божий другим путем. Это называется – кесарево сечение. Ну, подробностей не будет. Это вообще для категории «18+», а мне, напомню, только 14 лет. Вот так я появился на свет.

Назвали меня Кириллом – в честь деда, понятно. Молоко у мамы от переживаний пропало. Это я почему знаю? Да старшие рассуждали обо мне: он чахленький такой, потому что молока детского не видел. Искусственник ☹

Я как родился чахлым заморышем, так и живу. С первого класса на уроках физкультуры, когда все выстраивались в одну шеренгу, я был последним. Ну или предпоследним. Мы с рыжим Дениской были одного роста и каждый раз менялись, чтобы не было обидно. У него кликуха была и есть – Рыжий. Ему больше повезло. А я – Заморыш ☹ Но это, может, не потому что искусственник, отравленный зубрежкой и придорожными выхлопами, а потому что такая генетика. Так, кажется, выражается биологичка Наталья Анатольевна – моя классная руководительница. У бати дефицит веса – и у меня тоже. Реально именно из-за этого отца в армию не взяли, а не потому что он косил от службы.

Кстати, про отцовские гены. Он же у меня высокий, потому и маме понравился. А я до класса пятого был самым маленьким в классе, даже Рыжий меня обогнал. Но потом батины гены проснулись, и я так попёр в рост, что к девятому классу стал самым длинным в классе. Но вот кликуха Заморыш осталась. Конечно, лучше бы – Длинный, но…

А когда я ещё только родился, досужие тётки, мамины подружки, которые вовсе и не подружки, говорили обо мне:

– Он кесаренок, да ещё искусственник. Ну что ты хочешь? – как бы успокаивали они мою маму.

– Кесарята – они гиперактивные и слабовольные. Потому что трудностей изначально не испытали, – поясняла маме незамужняя тётя Галя, которая медсестра.

Я, когда начал чуть-чуть соображать, задумался сначала про гиперактивность. Знал, что такое гипермаркет. Хотя потом оказалось, что это не гипермаркет, а просто магазин. Ну какой гипермаркет может быть у нас на окраине посёлка Лесостепного?! Однако назывался он – «Гипермаркет»!

Короче, «гипермаркет» и «гиперактивный» для меня было одно и то же. Поэтому я маму настырно тянул в гипермаркет. Гиперактивно так тащил – за киндер-сюрпризами и всякими чипсами. А она как всегда:

– Кирюша, у мамы нет денег, – смотрела она на меня грустными глазами.

– А где они? – резонно спрашивал я.

– Спроси у своего папы слабовольного, который алименты не платит, – это не мама так отвечала. Это её сердитая незамужняя подружка Галя. А мама объясняла:

– Ну просто безденежье, сынок.

Безденежье мне казалось почему-то какой-то большой лужей в стиле фэнтези. Её, лужу, нельзя перейти и нельзя опрокинуть, чтобы вылить… Короче, про гипермаркет и про безденежье я рано усвоил.

А про слабую волю, мою и папину, я тогда ничего не понимал. Потом мне казалось, что моя воля – это такой косматый и оборванный мужик, который тянет лямку, но не сильно упирается. Ну, как бурлаки на Волге. Вот так представлялась мне воля. Тогда я ещё и про бурлаков не знал – просто видел картину. Они, эти бурлаки, похожи на бомжей, если честно. Вот и воля у меня наподобие бомжа, потому и слабая.

Про папину волю, какая она из себя, не могу ничего сказать. Но в отличие от тёти Гали, думаю, что воля у него всё-таки сильная. Потому что он сам хоть худой, но жилистый. И работать мог сутками, если ремонтировал кому-то мотоцикл.

Вот такая у отца была сила воли. А у меня – смахивала на вялого бомжа. Не знаю, у всех ли кесарят такая воля?..

Теперь понятно, как мне, кесарёнку – слабовольному и гиперактивному, – сложно в этой жизни. Да ещё с вечным маминым безденежьем.

4. Я потерял неродившегося брата, мама с папой расстались ☹

К тому времени, когда я только начал чуть соображать, что слабая воля в виде бомжа меня никуда особо не тянула, папа с мамой расстались. Может, у них прошла любовь... Так бывает: и у взрослых, и у моих ровесников. А может, мама с папой много слушали всезнающих родственников и незамужних подруг, которые талдычили каждый своё.

– Она тебе не пара, – говорили отцу про мою маму. – Какая-то не расторопная, забитая, и песня у нее дебильная…

Мама уходила в край огорода и пела сквозь слезы «дебильную» песню:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

Почему пела про речку, не знаю. У нас только канал имени какого-то революционера. Вот… А про отца доброжелатели с другой стороны жужжали:

– Он тебе не пара! Неудачник, тряпка, слабак.

Примерно так говорили им друг о друге, и даже хлеще болтали. Там вообще было непечатное. Но я не буду здесь всё писать – это ж мои мама и папа! Я их люблю и уважаю, хотя им об этом не говорю.

А тут ещё облом! После меня, как планировалось, должен был родиться второй брат (или на крайний случай – сестра). А они не рождались, время поджимало, и папу могли забрать в армию – а там Чечня... Чего они, эти непонятные родственники, боялись? У папы всё равно определили дефицит веса. К тому же он сам был не против отслужить. А родня хотела второго ребенка. И случилось! Мама уже собиралась родить мне брата. В это время она ездила в вечно набитом и трясущем-

ся автобусе на бухгалтерские курсы в райцентр. Ещё мой дед Кирилл, когда был живой, все говорил ей:

– Дочка, иди на курсы бухгалтеров. Будешь учетчиком на ферме. Лафа им в конторе сидеть!

Дедушка, как я рассказывал, к тому времени уже умер, а мама возьми и послушай его. И ездила в райцентр на бухкурсы в вечно переполненном автобусе.

– К техникумовскому диплому ещё и бухгалтерские курсы, это уже кое-что, – объясняла мама своё решение и осторожно помышляла об институте.

Так вот, ехала она в трясущемся автобусе и мечтала о высшем образовании. Но на этот раз не просто трясло автобус. В него врезался какой-то придурок на самосвале и завалил его в кювет. Маму там чуть не задавили. Но обошлось без жертв. Хотя как – без жертв? Маму увезли в больницу и сразу положили на сохранение. Это у нас семейное, что ли? Она со мной лежала на сохранении. Меня сохранила, правда, я запутался в пуповине. (Я уже рассказывал об этом.) И с братом моим мама попала на сохранение после аварии. Но не сохранила ☹ А то ведь был бы реально брат.

Может, поэтому, что не сохранили мне брата, а отцу второго сына, родители мои и расстались. Они и до этого расходились, потому что со всех сторон, как я уже говорил, говорили им друг про друга всякие пакости. Они, молодые и неопытные, слушали эту нудню. Вот и расстались. А потом один раз встретились прямо на улице, обнялись. Мама плакала, отец еле сдерживался. Я, мелкий, рядом стоял, а батя слёзы вытирает маме её зелёным длинным сарафаном. Я рядом стою и тоже реву. А они думали: куда идти? С одной стороны им мозги выносят, с другой – нервы выматывают. И жилья своего нет…

Я не знаю подробностей, только не дали им, маме с папой, вместе жить. Наверное, судьба такая, как говорят старики. Я часто задумываюсь, почему случается всё так, а не иначе? Может, от воли зависит, которая, например, у меня наподобие бомжа-бурлака. Или реально судьба такая?

Она, судьба, мне кажется суровой теткой в сером балахоне, как в фильмах фэнтези. Руки скрестила, губы поджала и смотрит сверху. Потом извлекает свой когтистый перст (перст судьбы, значит) и указывает, куда надо идти. А на самом деле – туда и не надо. Потому что от этих указаний всё время возникают какие-то проблемы. У нас с мамой – тоже.

Я обо всех проблемах рассказывать не буду, потому что мама всегда говорит:

– Кому нужны чужие трудности, – она даже слово «проблема» старалась не произносить. Но они, эти проблемы, все равно возникали.

Короче, судьба с когтистым перстом делала житуху моих родителей несладкой. Вот они и разбежались. Папа подался на Урал, в Пермский край. Почему туда? Один мужик в Лесостепной приезжал, он шахтёром в тех краях работал – в Соликамске. Говорил, там хорошие бабки платят. Кстати, этот мужик, как потом оказалось, дед моего лучшего друга, рыжего Дениски. Я о нём ещё расскажу. А папа до шахты не доехал, в Перми остановился. У шахтёров должно быть железное здоровье, а у отца желудок больной. Потому зацепился он в Перми. Большой город – большие возможности, от кого-то я слышал.

А вот тётя Галя всезнающая говорила, что в тех краях половина людей – менты, половина – зеки. Или бывшие менты и бывшие зэки. Отец ни к одним, ни к другим не относился, потому его постоянно кидали… У бати были и есть золотые руки, и этими руками он кому-то квартиры под евро-

ремонт отделывал, кому-то дачи с деревянными балясинами строил, кому-то иномарки ремонтировал. Короче, крутился. Но денег у отца скопить не получалось, потому финансами он помочь мне не мог. И даже не всегда ему удавалось звонить на Новый год и мой день рождения. То телефон украли у отца, то баланс не пополненный. Но я не верю, что он слабак и неудачник и что забыл про меня. Просто так гадина-судьба распоряжается.

Маме все говорили, особенно незамужняя всезнающая подружка Галя:

– Подавай на алименты!

А она всегда отвечала:

– Пусть Костя станет на ноги, он и без алиментов будет сыну помогать. – Но убеждала мама в этом скорее саму себя. – Он же отец моего ребенка – не чужой человек. Как я его буду наказывать?..

– Ну и дура! – это про мою маму.

А я считаю, что мама не дура. Просто у неё сердце мягкое. И это, думаю, хорошо для женщины.

У меня вот сердце тоже мягкое, но для пацана, считаю, это плохо. И воля, наподобие бомжа, слабая. Тут есть объяснение – потому что я кесаренок. И учиться мне неохота, и лень посуду помыть, и зарядку не хочется сделать… Безнадега.

А вот если сохранился бы у меня младший брат и если бы мама (сильно мягкосердечная) с папой (не очень удачливым) не расстались, тогда бы другое дело! Но…

ГЛАВА II

1. На стадионе вместо Звёздной Звезды – бараны и зоотехник

Короче, мама с мягким сердцем – это хорошо. Она и батю жалеет, и меня. Но пацану в наше время с мягким сердцем – никак нельзя. Особенно, если оно мягкое, как подушка, от которой трудно отрываться. И с волей слабой – тоже нельзя, однако приходилось.

Но вот после майских праздников решился я: с большим трудом в 6 утра оторвал от мягкой подушки свою всклокоченную голову и, не умываясь, побежал на стадион. На 9 мая парад смотрел по телеку. Сила! Хорошо бы в военный институт поступить и стать офицером. Но там физподготовка, математика, физика… Поэтому надо бежать на стадион – качаться, закаляться. Пока физподготовка, а физика с математикой потом как-нибудь.

Вот и стадион. Он, правда, вытоптан козами и овцами. Бывают козлы, но реже. Я ж рассказывал, что мы живем в поселке, который – «ни к селу ни к городу». Тут перемешались ветхие фабричные трёхэтажки с частным сектором. А у частников хозяйство, скот – мелко-рогатый и крупно-рогатый.

Хотя, если честно, меня на стадион погнала все-таки не воля, а вот что. Случайно узнал: там по утрам занимается она!

Кто она и какая из себя? О-о-о! Волосы вьющиеся, синие глаза, весёлая, заводная. Короче – красивая, и зовут её Лена. Ну, Звёздная Звезда! Для удобства буду звать её Ленка. Потому что если Лена, это

какие-то телячьи нежности, не по-пацански. Ленка – моя одноклассница. Отец у неё – местный воротила. Зовут его Артём Артёмович или Завмаг. У него – тот самый гипермаркет. Точнее, просто поселковый магазин, который называется «Гипермаркет».

Кстати, я не сказал, что в это время – в 6 утра – мамы уже дома не было. Она ушла на подработку в офис к Завмагу – мыть полы. Вообще, по жизни она инженер. Институт, как и мечтала, закончила. Днем мать работает в райцентровской конторе – в производственно-техническом отделе (ПТО). Чертит там всякие схемы, сочиняет техзадания и пишет техусловия. А по утрам и по вечерам моет полы в офисе у Завмага. Ей надо ещё успеть вернуться домой, привести себя в порядок и к 9 часам – в свой ПТО.

А я в это время бежал трусцой по стадиону – ноги еле переставлял. Ленки почему-то не было видно. Но вот бывший колхозный зоотехник, небритый мужик из частного сектора, выгнал своих коз и баранов пастись возле стадиона. Те норовили попасть на футбольное поле.

– Ты что животину мою пугаешь! – строго сказал он мне, когда я пробегал мимо стада.

Зоотехник мне немного знаком, зовут, кажется, дядька Мишка. Это тот, которого когда-то мой дед Кирилл хотел в женихи маме. Но не сложилось… «В этой жизни» мама у него покупает иногда козье молоко, когда я болею. Целебное, говорят, но, скажу по чесноку, на вкус гадкое. Я ответил мохнатому мужику на его предъяву:

– Здрасьте… Я не распугиваю…– Мне показалось, что я это сказал заискивающе. Аж самому противно стало.

А он:

– Ты мне зубы не заговаривай! Мать с утра тряпкой машет, а ты дурью маешься.

Откуда он, козёл, знает, что моя мама полы моет? Обидно мне стало за мать-поломойку. На втором круге я ему крикнул:

– Моя мама – инженер ПТО!

– ПТУ-ПТУ… Тебе только в ПТУ. – Он мне вслед ещё сказал что-то про цвет моих соплей. Ну, не буду повторять – противно и обидно. У меня часто бывает насморк. Про ПТУ – он, может, и прав. Это профтехучилище, где на каменщиков, трактористов и слесарей учат.

Мама грозится мне часто:

– Не будешь хорошо в школе учиться – пойдешь в ПТУ на слесаря.

Слесарь в принципе – это хорошо. Я технику люблю. Что меня пугать?.. Хотя вот если бы офицером стать, это – да!

А за «соплю» я решил отомстить этому предводителю баранов. Обидно ведь… Но обиднее вот что: она – Звёздная Звезда Ленка – так и не появилась на стадионе. Ведь волю и сердце я для неё тренирую, для Ленки. Чтоб её покорить! Ленка мне очень нравится, аж до помутнения. Ну, она всем нравится. Понятно: стройная, красивая, синие глаза, вьющиеся волосы. Просто супер! Почему бы и не нравиться всем?

Звёздная Звезда к тому же отличница. Завмаг, её пахан, даже репетитора по английскому ей нанимает. А другие учителя и без того с ней возятся. Завмаг же незаменимый человек для школы. Мероприятия спонсирует, учителям подарки нехилые делает…

За Ленкой ухлёстывают все пацаны школы. Ну, так мне кажется. По крайней мере старшеклассники. Она даже на переменах отпочковывается от своих и тусуется с одиннадцатиклассниками. Там Ленка в кругу пацанов, кажется, покуривает. Ну, не буду наговаривать. А то получается – я стукач.

Кстати, про курево девчат завела речь на родительском собрании ещё весной – под конец третьей четверти – тётя Галя. У нас в классе её племянница Маришка учится:

– И сама курит, и наших девочек подбивает! – возмущалась бездетная мамина подруга по поводу Ленки.

– Ну, это не трагедия, – сказала наша классная Наталья Анатольевна. – Такая форма самоутверждения. С её внешними данными это, конечно, излишество. Сигареты просто баловство – не более чем желание быстрее повзрослеть, привлечь внимание старших ребят.

Так тогда наша классная Ленку оправдывала.

А я бежал себе и думал про Звёздную Звезду. Расстроенный, что на стадионе её нет, я с досады шуганул животных, которые лезли на стадион. Те – врассыпную. А дядька Мишка за это палкой в меня запустил. Конечно, не докинул))) Ха-ха!.. Я перемахнул через низенький ржавый заборчик и побежал к дому. Вот такая первая зарядка у меня получилась. Но все-таки взбодрился…

Мне показалось, что и сердце у меня как бы тверже стало, и воля железнее. Я Ленке это всё равно продемонстрирую. Как? Подумаю. Пацану с мягким сердцем и слабой волей – нельзя. Девчата сразу крест поставят. Известно.

2. «Меню подростка» и прогорклые орехи для ума

Я, честно скажу, пытался и раньше в школе характер проявлять, потому что стал осторожно мечтать стать офицером. А военным характер твердый надо иметь! Но классная не поняла моих намерений. На родительском собрании выдала моей матери:

– Ваш Кирилл стал неуправляемым! Упрямый, грубый, раздражительный, – высказывала она. – Надо что-то делать!

– Да все они такие, – вступалась за меня мать рыжего Дениски, который, в общем-то, тоже балбес. – Переходный возраст, трудные подростки.

Она работает воспитательницей в детском доме и, наверное, знала, что говорила.

– Вы знаете, не надо обобщать, – строго повела голову в сторону Денискиной матери классная.– Я педагог со стажем, всякое было. Я понимаю, субъективные трудности, физиология и всё такое… Кирилл такой худой, дерганый, всклоченный, и потом… прыщами своими озабочен.

Хорошо хоть она не сказала, что я заморыш.

– Кстати, ваш Денис тоже не подарок, – перешла классная на Дениса.– Возможно, родителям надо подумать о сбалансированном питании. Подойдете после собрания, я вам дам соответствующую информацию. Обратите внимание, что у нас район йододефицитный. Это отражается на умственных способностях. Элементарно орехи грецкие детям своим давайте…

Мать тогда спешила после родительского собрания в долбанный завмаговский офис – полы мыть. Сунула листок в сумочку и только поздно вечером вспомнила о нём. Это была ксерокопия «Меню подростка». Там завтрак, обед полноценный, ужин легкий и два перекуса: яйца, фрукты, орехи, сок, молоко, мясо, рыба, овощи, творог, кефир, снова мясо… Ну ни фига себе! У меня аж слюнки потекли.

А мать сидела над этим драным листом и беззвучно плакала…

– Ма, не плачь, – сказал я и больше ничего не мог выдавить из себя.

– Ты уроки сделал, мучитель? – спросила она сквозь слёзы.

Я не хотел окончательно расстраивать мать и конечно же соврал:

– Да сделал, сделал. Нам мало задали…

Мама вдруг тихо, глядя мимо листка с «Меню подростка», запела старомодную, кажется, времен моего деда Кирилла песню:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

А у меня на уме почему-то закрутилось неуместное:

Девочки и мальчики,
дуры и обманщики….

Дурацкая, но прикольная песенка мешала думать: что мне предпринять, как раздобыть этот паразитский сыр, мясо, рыбу? Может, и правда, поумнею после орехов и сыра, начну хорошо учиться? Тут я ещё озадачился: а что сама мать ест в обед на работе? Чай, бутерброд с маргарином? Ну, у неё в отделе такие фифы сидят – все на понтах. Там с маргарином лучше и не показывайся – запрезирают…

Пока я думал про сыр-мыр, у мамы зазвонил телефон. Через приоткрытую дверь из её комнаты я слышал мамино:

– Какие орехи? Ты что, Галина! Неудобно… – Потом, спустя время: – Ну, пусть прибегает… Может, её Кирилл встретит? Не надо? Ну хорошо.

Я не понял, о чём речь, только догадался, что к нам кто-то прибежит. И мне не надо никого идти встречать. Ну уже хорошо.

В нашу дверь постучались – звонок давно не работал. Это оказалась моя одноклассница Маришка – племянница всезнающей тёти Гали.

– Вот орехи, против йододефицита, – с порога сообщила Маринка, зыркнула в мою сторону и убежала.

Я вскрыл гремучий пакет, и мне тут же захотелось избавиться от своего йододефицита, повысить интеллект и зарядить железом мою не очень железную волю.

Мама позвонила тёте Гале, опять виновато извинялась и говорила спасибо. Я в это время колол орехи при помощи двери – закладывал их между косяком и дверью – хрясь! Готово!

– Ты что ж творишь, бестолочь, – прикрикнула на меня мать. – Дверь и так расшаталась, а ты… Лучше б взял отвёртку да подтянул петли.

– Мам, ну потом эти петли подтяну, – отмахнулся я.

Погрыз ядрышки, они мне показали горьковатыми. Мама тоже попробовала – орехи оказались старыми. Я съязвил:

– На тебе, боже, что мне негоже!

– Дареному коню в зубы не заглядывают, – ответила мне в тон мама. – Надо свои иметь.

Она высыпала содержимое на газету. Там оказалось даже несколько проклюнувшихся орехов.

– Наверное, где-то в сырости орехи держали, – разочарованно сказала мама. – А давай их посадим, Кир?

– Да поздно уже… Спать охота.

– Как возле телевизора тупо до полуночи сидеть, так спасть не охота, – с укоризной сказала мать и сама начала отбирать орехи, которые, на её взгляд, можно было посадить.

Я напрягся и психанул – фигней среди ночи занимается матушка.

– Мам, ну давай завтра, что ли?..

Мать не ответила. Мне с великой неохотой пришлось присоединиться к её дурацкой затее. Я смотрел на мать – она казалась мне одержимой! Мы с ней в ночи под фонарем набрали песка в соседнем дворе. Насыпали в ящик из-под рассады, натыкали орехов туда, присыпали и поставили на подоконник.

– Представь, Кир, если все орехи взойдут, это будет целая роща! – и добавила торжественно: – Роща Кирилла!

Название мне понравилось ☺ Мы оба очень устали. Я рухнул на кровать и только успел представить эту рощу – на пустыре за нашим домом, – сразу провалился в сон. А там, надо же, мы с Ленкой прохаживаемся. Ну и Маринка тоже виднеется в конце аллеи – это же она принесла орехи. Фигня, конечно, мне представлялась, лирика какая-то кисельная. Я даже во сне это осознавал. И в том же сне я понимал: вот посадили мы с мамой орехи, почти до часу ночи не спали – значит, сила воли во мне укрепилась.

Хотя, конечно, она, сила воли, не шибко-то могла закалиться от одной посадки орехов. Потому я и хотел бегать на стадионе. Долго готовился, а тут решил! И первой была злополучная пробежка с разгоном баранов… Ну, я рассказал об этом уже.

3. Физику прогулял – напоролся на Амбала: надо добыть сигареты

Короче, после пробежки и разгона баранов пришёл я в школу. Конечно, опоздал, блин.

– Можно? – просунул голову в дверь.

– Этот в своем амплуа… – не оборачиваясь в мою сторону, сказала классная. Я просочился вдоль стены за свою парту. Естественно, моя парта – последняя.

Ленка проводила меня снисходительным взглядом и усмешкой. Или мне показалось? Ну хорошо, хоть взглянула.

На перемене девчонки смеялись и ехидненько так смотрели в мою сторону.

– …А я вижу, он там своими макаронинами размахивает…

– Чем-чем?

– Макаронинами… Посмотри, у него руки-ноги как макаронины, – громко рассказывает Ленка. – Макаронинами и так, и этак – за козами гоняется…

– За какими козами?

– Да там у нас один скотовод коз и баранов пасет возле стадиона.

– Ну и компашка! Ха-ха-ха!..

– Я увидела эту козлоферму и, естественно, не побежала на стадион. Стою за кустами, смотрю и ухохатываюсь. А он там – макаронинами скотину распугивает… Ха-ха-ха…

Короче, это Ленка про меня так прикольно рассказывала. Все ржали. Я бы тоже ржал, если бы не знал, что это про меня.

– Девочки, он же просто гадкий утенок, – вмешалась тихоня Маришка, середнячка и мышка. У неё и кликуха такая – Мышка. Это, кстати, племянница тёти Гали, которая нам орехи дала.

– Ой, мышка, ты все ещё сказки про гадкого утенка читаешь?!

– Как раз ей по возрасту…

– А ты почитай, там ещё есть сказка про мышку-норушку…

Маришка умолкла, я – отдалился от Ленкиной стайки. Злился не на Ленку, а на Маришку – чего это она, мышка-норушка, вздумала меня защищать! Обойдусь без её помощи…

Однако про макаронины и коз, хотя вроде бы правда и со стороны смешно, но обидно. Ещё этот дядька Мишка со своим мелко-рогатым скотом, блин… Следующий урок какой? А… физика. Забыл про неё, да и учебника нет у меня. Кто-то стибздил или я сам посеял. Короче, в отместку за макаронины и коз я решил… прогулять следующий урок.

За школьной котельной кучковались старшеклассники, прогуливали уроки целой толпой.

– Эй, глист, иди сюда! – подозвал меня Амбал из одиннадцатого класса.

Подхожу.

– Курить хочешь?

– Ну да, – признался честно.

Я вообще-то уже покуриваю, иногда приходится окурки собирать.

– Тогда давай закурим. Сегодня курим твои, – сказал Амбал.

– У меня нету…

– Это твои проблемы, – лениво сквозь зубы процедил Амбал.

Я молчал, весь сжался. Но страха показывать не хотел.

– Значит так, заморыш, иди и раздобудь курева.

– А где я его возьму? – спросил, не обращая внимания на обидное погонялово. Заморыш – это как будто не про меня.

– Ты что-то попутал, – также медленно процедил Амбал. – Я говорю: раздобудь курева… А где – это твои проблемы.

Амбал – это, кстати, сын Вали, матери-одиночки, на которой хотели женить моего отца. Мелькнула мысль сказать Амбалу, что мы почти братья, но потом мне аж самому противно стало. Я понял, что сегодня не мой день. С утра – «макаронины», сейчас – «глист», «заморыш»... Лучше б на физике остался, слушал бы про закон Джоуля, как его там, Ленца. Или что мы сейчас проходим? Но делать нечего, стал соображать, как смыться из этой компании.

– Ну, я пошел…

– Куда?

– Сигареты добывать…

– Если смоешься, тебе трындец, – процедил Амбал.

– Давай, я с ним, – вызвался из компании Хлюст. Это младший брат Амбала. – Посмотрю, как он будет добывать курево.

– Ну смотри, смотрящий, – дал добро Амбал брату.

Я пытался соображать, как быть? Где брать сигареты? И вообще, как сделать так, чтобы Амбал отвязался?

– Время пошло, – процедил Амбал.

– Ты что загрузился? Бабок нет, что ли? – Это смотрящий за мной Хлюст подал о себе знать.

– Ну нет, конечно… Откуда у меня деньги? – огрызнулся я зло.

Хлюст хоть и старше меня года на два, но даже я, заморыш, с ним справлюсь. Тот смеялся, скалил прокуренные зубы. Врезать ему про меж глаз, что ли? Я посмотрел на него со злостью. Мысленно отследил полет моего кулака – прямо в челюсть! Но… не решился. Хлюст же брат Амбала…

– Ладно, ты не кипешуй, – примиряюще сказал Хлюст. – Могу подсказать, где взять сигареты.

– Где?

– Сейчас в «Гипермаркете» будут товар разгружать, подойди, попросись помочь. Там грузчик Сергей. Он мужик с понятиями, хотя и бухарик.

– Не, я в «Гипермаркет» не могу…

– Что, слабо?

– Там у них в офисе матушка моя подрабатывает. Продавщицы увидят, донесут ей…

– Не увидят, мы со двора зайдем. Я знаю, в какое время машины с товаром приезжают.

Мы, как и обещал Хлюст, зашли в «Гипермаркет» со двора. Дядька Сергей сидел, откинувшись, на каких-то ящиках, курил.

– Кажется, бухой, – говорит Хлюст. – Если бухой, это хорошо. Он не любит работать, когда вмажет.

– Дядь Сергей, я тебе помощника привел.

Грузчик смотрит на меня оценивающе:

– Ты что такого чахлого мне притащил? Он же батон колбасы не поднимет.

Хлюст одобрительно засмеялся вместе с дядькой Сергеем:

– А ему колбасы не надо, ему пачку сигарет, – в тон продолжил Хлюст.

Разговор про колбасу был лишним. Мне и так жрать хотелось, а сейчас аж голова закружилась и затошнило.

Но тут грузчик яростно заводил бровями, замахал ластами:

– Брысь отсюда, Завмаг идет…

Хлюст метнулся за ящики, а я не успел.

– Что здесь делает этот заморыш? – спросил у грузчика хозяин магазина, он же – отец Ленки Артём Артёмович. – Э-э-э… Стоп, ты кто? Из Ленкиного класса, что ли? – обратился тот ко мне.

– Да он, это самое… – хотел внести ясность грузчик Сергей.

– Помолчи, а? Опять с утра набухался? Я тебе обещал выгнать с работы?

– Обещал, – согласился грузчик. – Но я этого заморыша сюда не звал.

– С тобой разберусь завтра. Штраф обеспечен. Иди машину разгружай.

Грузчик поспешил смыться с глаз долой, а я остался.

4. Завмаг дал 100 рэ – я вместо сигарет купил… сосиски

Зажатый между ящиками, я скукожился под взглядом хозяина магазина. Тучный Завмаг навис надо мной реально, как туча!

Потом он отстранился, как-то склонил голову, рассматривая меня.

– Так ты с моей Ленкой учишься, – присмотрелся: – Костин сын, что ли?

– Ну да, сын я его… С дочкой вашей в одном классе…

– Как он там, батя твой? Мы тоже с ним одноклассники.

– Отец нормально, – соврал я. У бати, кажется, было что-то опять ненормально. Потому что он уже несколько месяцев молчал. То хоть иногда звонил или в «Одноклассниках» писал, сейчас совсем умолк.

– Он классный спец, на все руки мастер, – сказал Артём Артёмович. – Мне «мерина» ремонтировал, никто не брался, а он ремонтировал. Без диагностики.

Мне было приятно, что тучный Завмаг так уважительно говорил об отце. «Мерин» – это, между прочим, «мерседес», а не какой-нибудь «жигулёнок». А то все говорят о нём – об отце моём: неудачник, размазня. Мама, правда, всегда уходила от таких разговоров. Наверное, всё-таки она его, моего батю, любила. Я так думаю. Ну или жалела…

– У тебя что, проблемы? – спросил тучный Завмаг.

– Нет.

А Завмаг как будто не расслышал:

– С Амбалом, что ли?

– Нет никаких проблем…

– Ты мне тут не втирай мозги. Раз Хлюст привёл тебя, значит, от Амбала.

Я промолчал, понял, что Завмаг меня раскусил.

– Цена вопроса? – спросил он.

Я сначала не врубился, о чём это он.

– Что Амбал с тебя хочет?

– С меня – ничего…

– Ну да. Рассказывай мне. Наверное, дань собирает сигаретами или за «лирикой» послал? Честно говори!

Ни фига себе, Завмаг всё знает, даже про таблетки «лирика».

– Честно? За сигаретами, – признался я.

– Ну это ещё куда ни шло… На, держи. – Он сунул мне в карман сторублевку и легонько подтолкнул к выходу: – Дуй в школу!

Я рванул от Завмага прочь, даже спасибо забыл сказать.

Проблема, кажется, решена: куплю сигареты в ларьке за углом и отдам Амбалу.

Но в школу мне идти не хотелось. Скинул эсэмэску рыжему Денске: «Забери мой портфель».

В ларьке хотел купить сигарет для Амбала. Тетка оказалась злая:

– Тебе нет 18 лет!

– Я не себе…

– А кому?

– Отцу…

– Брешешь! Что, менты подослали проверить, продаю ли малолеткам сигареты? Меня не проведешь!

Я угас и завис над витриной… Вспомнил «меню подростка», которое наша классная передала матери: «сыр-мыр», «мясы-колбасы». Сильно хотелось жрать…

– Тогда сосиски дайте… Самых дешевых, для кошки.

– Знаем, для какой кошки, – хмыкнула продавщица.

На 100 рэ получилось прилично. Выскочил из ларька, за угол, и давай терзать сосиски в целлофане. Эта клеёнка не шибко поддавалась, но я справился. Наелся от пуза! Больше половины ещё осталась. Мысль пришла про мамины бутерброды с маргарином.

Вскочил в маршрутку, которая до конторы ПТО ходит. Сидел, трясся на заднем сидении. Вдруг сообразил: расплачиваться нечем: «Ё-моё!». При выходе я попытался прошмыгнуть мимо водителя, не заплатив.

– Э-э-э!.. Ты куда, прохвост? – водитель захлопнул дверь перед носом. – А платить кто будет?

– Дома деньги забыл, – пролепетал я и вдруг, сам неожиданно для себя, распахиваю пакет с сосисками: – Вот только это есть.

– Ты что, придурок, офигел? – маршруточник от сосисок опешил. – Ты за кого меня держишь? Оборзела пацанва…

– Я за него заплачу, – сказала какая-то тетка, которой тоже надо было выходить из маршрутки. – Может, он детдомовский, – и сунула водителю десятку.

Дверь распахнулась.

– Ты и вправду детдомовский? – спросила тётка, знакомая на лицо – из нашего посёлка.

– Нет, – огрызнулся я и, не говоря «спасибо», рванул прочь.

Детдомовским обозвала… Ну, сегодня вообще меня с ног до головы облажали: то макаронина, то заморыш, то глист. Теперь – детдомовский.

Короче, заскочил в мамкину контору. Офис называется. Как раз обед. Все разбрелись. Одна очень взрослая тётка пирожок с чаем наяривала. Мама за своим столом – просто чай. Без ничего.

– Мам, привет!

– О… сынок? Ты что здесь? Почему не в школе? Что случилось?

– Да ничего не случилось. Учительница заболела, – соврал я как обычно.

– А зачем пришёл?

– Мам, на! – протянул пакет с сосисками, – вот тебе принёс…

– Это что?

– Сосиски, – почему-то прошептал я.

Маманя моя сразу не врубилась.

– Нет, это что? Откуда?

– Сынок на обед маме принес, – вмешивается толстая тётка, её коллега.

Мама вдруг заплакала:

– Ты что меня позоришь!

– Мам, я хотел как лучше…

– О, такими сосисками я котят кормлю, – вставила свои пять копеек очень взрослая тётка.

Мама совсем психанула и выскочила из кабинета. Я – за ней. Но сосиски не забыл.

…Потом я видел: очень взрослая тетка с пирожками из окна за нами наблюдала. А мы с мамой в беседке во дворе конторы сидели. Я ей честно всё рассказал по Завмага, про сосиски, даже про «мерина», который батя ремонтировал. Про Амбала – не стал, зачем мать ещё больше расстраивать?

Потом мы ели сосиски, мама улыбалась. Гладила меня по голове:

– Кормилец мой! Моя надежда!..

Мне было неудобняк, я высвободился из-под её руки:

– Ну ладно, мам, что я, маленький?

Действительно, я не маленький, и реально мне пора становиться кормильцем. Надо с Завмагом поговорить, может, он что-то предложит. Вот если бы вместо грузчика дядьки Сергея! Я, допустим, заморыш, макаронина и всё такое. Но на самом деле я хоть худой, но жилистый. Как батя! Я смогу!

В это время я старался не думать об Амбале. Но мысли о нём всё равно одолевали: как я с ним буду рассчитываться, как сигареты ему подгоню? Да, всё-таки придётся к Завмагу идти, просить какую-нибудь работу. Вот если бы отец Артёму Артемовичу позвонил, попросил бы за меня… Или хотя бы просто мне позвонил. Если б я работал, у меня бы сила воли укрепилась, характер твёрже стал – бойцовским был бы. Ну и деньги имелись бы…

5. На лестнице без перил, как… после первого моего пьянства

На следующий день я должен был встать рано. Надо бегать, тренироваться, силу воли закалять и всё такое… Как мучительно я вставал! Потому что с вечера долго не мог заснуть. Мама вечером передвигала на подоконнике ящик с посаженными орехами, что-то там подсыпала типа удобрений. Я уже остыл к идее про «рощу Кирилла» или хотя бы аллею. Орехи почему-то не прорастали, а мама всё с ними возилась. Потом начала греметь посудой. Опять, наверное, ненавистный суп с макаронами собралась варить.

Ленку кудрявую вспомнил – Звёздную Звезду. Точнее, я её никогда не забывал. Но сейчас про макаронины вспомнил, как она обозвала мои конечности. Ну ладно, посмотрим ещё. Я встал, пошёл на кухню. Это меня гнал пищевой рефлекс – даже на макароны.

– Мам, ты что тут изобретаешь?

– Да уж изобретаю, – она вздрогнула от неожиданности и поспешила свернуть листок с ксерокопией «Меню подростка». А на тарелке красовалось что-то аппетитное, похожее на пиццу. В основе – «кошачьи» сосиски, которые мы не доели.

– Дай попробовать, – не выдержал я и тут же разозлился на себя: что-то много думаю о жратве.

– На ночь есть вредно, – с улыбкой предупредила мама.

– И не есть тоже вредно, – попытался сострить я, оправдывая свою прожорливость. – Вкусно!

Уплёл практически всю доморощенную пиццу и ушёл спать. Долго думал об отце: а что он там ест? Наверно, все всухомятку да пивом запивает. У него же так и остался дефицит веса. Желудок больной, а он всё всухомятку. И ещё это пиво, блин!..

Честно скажу, я и сам уже пробовал выпивать. Пацаны пиво предложили, я не отказался. Да и неудобняк – что я, совсем лох? Конечно, прикольно, весело становится, уроки – пофиг, Ленкино пренебрежение – пофиг, всё – пофиг! Мама, когда учуяла запах пива, устроила скандал!

– Ты что творишь, паразит! У тебя наследственность знаешь, какая?

– Она у меня нормальная, – пытался я успокоить мать. – Да я даже ничего не почувствовал. Ни в одном глазу…

– Сейчас ты у меня почувствуешь! – она начала колотить меня кулаками по спине, я быстро увернулся. Мама заплакала:

– Ты понимаешь, что можешь стать алкашом? Понимаешь, что жизнь исковеркаешь и себе, и мне? Тебе мало примера отца и деда?

– Они не алкаши, – попробовал я вступиться за них.

– А ты – станешь, ты еще ребёнок! Ты ещё…– Мама упала в бессилии на диван и зарыдала навзрыд. Ну вот такие воспоминания о моем первом «пьянстве».

Я и сам понимал, что это может плохо кончиться. У бати-то проблемы из-за этого. Вот если бы он не пил, если бы мы жили все вместе – отец, мать, я… Нормально бы питались. Мама вон из ничего может готовить всякую вкуснятину. Да и пива отец тогда точно столько бы не пил. Вместе жить лучше. А что, бывает, сначала родители расходятся, а потом сходятся…

На сытый желудок приснился мне отец. Как будто мы у него на даче, которую он собственноручно строил из бруса. Какая-то деревенька под

Пермью, кажется, Мошни. Ну, правда, это не дача, а простой кусок земли и домик, но с мансардой. Я эту дачу видел на фотке, которую отец выставил в «Одноклассниках». Реально лестница, конечно, внутри помещения. Но мне она снилась почему-то снаружи и без перил. Вела лестница на балкончик. Во сне же отец на токарном станке вытачивал деревянные балясины для лестничных перил. Батя ж у меня мастер на все руки. Лестница крутая, я по ней взбираюсь, а отец говорит:

– Подожди, Кирилл, я установлю перила, а то свалишься.

– Не свалюсь, пап! Я хоть и худой, но жилистый, как ты. И ловкий! – Так и сказал ему во сне: «ловкий». Даже как-то неудобно стало, что хвастаюсь. В жизни, понятно, я вовсе не ловкий, а неуклюжий. Но во сне сноровисто взбирался по лестнице к кудрявой Ленке. Она вроде как бы на балконе, вся из себя такая… Я обернулся, глянул вниз, а там отец с мамой обнялись и оба улыбаются. А рядом как бы я стою – маленький. Откуда я взялся? Я же на лестнице без перил… А Ленка смотрела на всех нас свысока – во сне, понятно.

Тут зазвенел будильник и как бы спугнул всех – отца, маму, Ленку. Они улетучились, а я снова провалился в сон. За эти десять минут мне снова успела присниться та же лестница. Она вела на тот же балкон, но там уже стояла Маришка. Я даже во сне осознал, что больше её не называю мышкой. Она паниковала, умоляла:

– Кир, осторожно, прошу тебя…

– Да все нормально! – успокаивал я, а самому – страшновато.

Маришка вцепилась в дверной косяк, прижимаясь к стене, протягивала мне руку.

– Ещё немножко, держись, Кир!

А меня какая-то неведомая сила тянула к краю лестницы. Я вовсе не хотел красоваться перед Маришкой. С другой стороны, жаль, Ленка не видела меня, хотя бы во сне. Голова кружилась, как от пива. Вдруг какой-то звук взорвал пространство сна, я сорвался с лестницы и…

Это надрывался противный будильник. Мама уже ушла на подработку – полы мыть. Я всё-таки решил бежать на стадион. «Посмотрим, у кого макаронины», – подумал я решительно, разочарованный поведением Ленки как во сне, так и в жизни. Вперёд, на стадион, закаляться! Хотя там, на стадионе, скорее всего, этот зоотехник дядька Мишка с баранами, а Ленки нет… Ну и фиг с ним, если он со своей отарой, я побегаю по пустырю за домами. А что? Кросс по пересеченной местности – нормально.

Я побежал трусцой, огибая лужи, пытался думать: к чему этот сон с лестницей без перил? Если бы сегодня нормальный сон мне приснился – с подсказкой, где взять деньги, другое дело. А то всякая непонятная лабуда снилась: лестница без перил, Ленка на пьедестале, Маришка руку помощи протягивает... Хотя опять же мама с батей вместе приснились. Это, по ходу, нормально.

6. На мойку не воткнулся, ещё и грузчика из-за меня уволили. Блин!..

Короче, побежал я трусцой. Напротив «Гипермаркета» шипела и фыркала, как ужаленная, автомойка. Даже в такую рань здесь уже пара машин – проезжие, судя по номерам. Местные стараются сами мыть свои колымаги. Я подумал: может, на мойку податься? Решил сразу зайти и спросить.

В кабинке администратора сидела… та тётка, которая в маршрутке заплатила за меня. Упс... Она, кажется, матушка Амбала и Хлюста. Этого ещё не хватало. Я хотел было повернуть назад – на стадион.

Но тётка меня заметила:

– О, старый знакомец… Ты чего?

– Это самое, – замялся я. – А хозяина как найти?

– Придумал… В такую рань его здесь не бывает. Только вечером появляется – деньги забирает. А тебе он зачем?

– Вообще, хотел на работу…

– Ты? Тебе-то лет сколько?

– Четырнадцать…

– О… Шибко малой ещё, дитё, считай, – измерила меня тётка взглядом. – Нам тут самим нечего делать. Вот скоро погода установится, грязь сойдет, машин меньше станет, нас половину разгонят, – с досадой сказала она. – Наверное, с меня и начнут. Вон, видишь, девки – молодые да здоровые... А сидят без дела.

Я глянул в сторону девок, гнездившихся на длинной скамье возле мойки в ожидании машин. Все такие фигуристые, заразы, но некрасивые и курящие.

– Так ты всё-таки детдомовский или нет?

– Нет, у меня родители есть.

– Я так и поняла… Детдомовские только попрошайничают возле магазина или мойки. А в школу что не идёшь?

– У нас первого урока нет, – соврал я и понял, что в школу сегодня действительно не пойду. Но надо домой вернуться, переодеться и взять портфель, чтобы мама не заподозрила. – Ладно, я вечером зайду…

– Так ты его, хозяина-то, можешь в «Гипермаркете» найти. Завмага знаешь?

Упс…

– А что, это его мойка?

– Ну да, скупает всё вокруг потихоньку…

Это меняло дело. Я решил пойти в «Гипермаркет» к Завмагу. Он же одноклассник батин, хорошо о нём отзывался. Вчера сто рэ дал, чтоб я отмазался от Амбала. А я сосисок купил. Плохо, что он Ленкин отец. Не по кайфу как-то… Воспоминания про Амбала совсем на меня нагнали тоску. Я нырнул через приоткрытые задние ворота в складские помещения «Гипермаркета». Грузчик дядька Сергей медленно перегружал с поддона на тележку коробки.

– Здрасьте, дядь Сергей, давайте я вам помогу! – Не дожидаясь ответа от мрачного грузчика, я схватился за коробку.

Фу, блин, и здесь макароны. Плохая примета, а что делать…

– Ну-ну… – одобрил мой пыл дядька Сергей. Сам распрямился, руки в боки, и оценивающе смотрел на мою работу. Я старался изо всех сил – хоть и чахлый кесаренок я, но гиперактивный. Именно так закаляется воля, мысленно подбадривал я себя. С макаронами расправился быстро. Дядька Сергей потащил тележку в торговый зал. Я, уставший, присел на какие-то коробки, прикрыл глаза – голова кружилась.

– Ты, вижу, можешь упираться. – Я с трудом поднял веки, надо мной тучей навис Завмаг. – Но кто тебе разрешил заходить на склад?

– Я вас искал, – мне пришлось невольно встать. – Ну и заодно решил помочь дядь Сергею.

– Ему уже никто не поможет…

Я молчал и понимал, что у грузчика, моего «работодателя», будут проблемы.

– Вы его из-за меня выгоните? – выдавил я из себя. – Не надо, пусть работает…

– Ну, защитничек нашёлся. Ты свои проблемы не можешь решить, а ещё за кого-то хочешь вписаться. Он мужик взрослый, пусть сам за себя отвечает.

Завмаг изучил меня тяжелым взглядом. Я даже невольно втянул голову в плечи.

– Ты что, думаешь, он заценит, что за него, взрослого мужика, вписался малолетка?

– Нет, наверно, – неуверенно ответил я.

– То-то же… А ты вообще почему не в школе? Что, опять первого урока нет?

– С чего вы взяли?

– Так ты ж моему бабью с автомойки лапшу на уши с утра навешал. – Я не успел подумать о предательстве тетки-администраторши, как Завмаг ещё огорошил: – А ты с Амбалом решил проблему?

Артёмович, хоть он и говорил, что мой отец нормальный мужик и его одноклассник, мне совсем разонравился. Нафиг я на склад пришёл? Надо быстрее отсюда валить…

– Так почему не в школе? Как тебя… Кирюха?

– Кирилл, – с некоторым вызовом ответил я.

– О как! Кирилл Константинович, значит, – передразнил меня Завмаг. – Только давай, рассказывай по чесноку.

– Если по чесноку… – замялся я, готовый выложить Завмагу все свои проблемы: и про безденежье, и про невыученные уроки, и про Амбала, и даже про равнодушную его дочку Ленку. – Если по чесноку, то это мои проблемы, – угрюмо сказал я, помня мамину присказку «Кому нужны чужие трудности».

– Ты не изображай из себя крутыша, – хмыкнул Завмаг. – Знаю я твои проблемы – и про Амбала, и про Ленку мою. Но это разве проблемы… – И сразу без паузы: – Костя, отец-то твой как?

– Нормально… постоянно звонит мне, деньги высылает, приглашает на каникулы приехать на Урал. – Я это так торопливо и убедительно выпалил, что аж сам поверил.

– Не трынди старшим, – лениво сказал Завмаг. – Номер телефона его дай мне.

– Зачем?

– Хочу рассказать ему, какой ты раздолбай…

– Я не раздолбай, – огрызнулся я и хотел было, уклоняясь от тучного Завмага, выскочить между ящиками и сквозануть со склада.

– Да не дергайся ты, – успокоил меня Завмаг. – Хочу станцию техобслуживания вместо мойки открывать. Костя, батя твой, нормально рубит в машинах…

– Он сюда, в этот колхоз, не вернётся, – вступился я за отца.

– Ты-то откуда знаешь? Думаешь, там он мёд, да еще ложкой, хлебает? Рассказывай мне басни. Мы везде чужаки, как только из поселка выедешь. Везде туземцы, хоть белобрысые, хоть рыжие, хоть чёрные…

Наверное, Завмаг был прав. Я дал ему телефон отца и уже представил, как батя мой, худой, но жилистый, орудует каким-то хитроумным ключом во внутренностях завмаговского «мерседеса», а все мужики вокруг столпились и говорят:

– Ну Костя дает! Мы, блин, неделю мудохались, а он за час «фашиста» починил.

Честно говоря, я давно отцу не звонил, на телефоне нет денег. И он не звонит. Наверное, тоже нет денег.

Блин, опять про эти бабки… Что-то у меня утро какое-то неудачное. И на мойку не воткнулся, и Завмаг на складе поймал, и дядьку Сергея из-за меня выгоняют с работы ☹

7. Завмаг сообщил: мой отец… в реанимации

– Да, с Костей, с отцом твоим, мы в школе дружили, – задумчиво сказал Завмаг. – Ну как дружили?.. Толстяк и тощак – так нас обзывали. Я, сам понимаешь, толстяк, Костя, значит, тощак. Обидно… Доставалось нам в классе. И ты знаешь, от кого больше всего?

– Нет, не знаю, – пожал я плечами. – Откуда мне знать.

– Батя твой, значит, не рассказывал. Ну да, когда бы он тебе мог рассказать… От Сергея, грузчика моего. Здоровый как бык был. Обидно, да?

– И теперь вы его выгоняете за это? – Я испытывал непонятные чувства: с одной стороны грузчика, считай, из-за меня уволили, с другой, как оказалось, он батю моего в школе доставал.

– Да нет, не из-за этого уволил. Пьёт он. А с пьяного какой спрос? Как уволил, так и приму. Для Сергея встряска нужна, тогда он бросает пить. Это уже не первый раз.

– А за что он на вас с отцом наезжал?

– А за что на тебя Амбал наезжает? Закон жизни, Кирилл Константинович. У сильного всегда бессильный виноват – как в басне Крылова.

– Неправильный закон, звериный, – с обидой за отца, за себя, ну и за Завмага, который был в школе толстяком, сказал я.

– Этот закон не отменить, нравится он или не нравится. Но жизнь в конце концов всех расставляет по местам. – Он обвёл каким-то киношным жестом свои владения. – Вот так! Ну, батю твоего мы вытащим. Он – мастер золотые руки.

– Да! Золотые руки! – с гордостью сказал я.

– Вот сейчас прямо мы и позвоним ему. Есть, Кирилл, ещё один закон жизни, хороший: решил – сразу действуй. Давай номер батиного телефона.

Артем Артёмович извлек из кармана такой крутой сенсорный телефон – целую лопату! У меня аж дух захватило. Я невольно нырнул к себе в карман и ощупал свою кнопочную древнюю «Нокию», похожую на обмылок. Не стал вытаскивать, чтобы уточнить номер телефона отца. Надиктовал на память.

Завмаг позвонил моему бате:

– У нас с Уралом два часа разница, самое время, – сказал мне Артем Артёмович. – Алё… алё… Это кто? Фу ты, чёрт… Не туда попал! Ты что за телефон подсунул? – буркнул Завмаг.

Я вытащил всё же свой обмылок, убедился: номер надиктовал правильно.

– Это отца телефон, отвечаю, – я повторил снова батин номер.

– Алё… Это телефон Кости?

На том конце, кажется, ответили «да».

– А мне нужен он сам… Как его услышать? – в трубку что-то долго говорили, я, естественно, не слышал, но лицо хмурого завмага становилось просто мрачным.

– А Костин телефон у вас как оказался? – и через паузу: – Вы жена его новая? – Завмаг озадачился. – Где он сейчас находится? В реанимации? А что с ним случилось?

– Кто в реанимации? – схватил я Завмага за рукав, но уже сам понимал, что с отцом что-то произошло.

– Батя твой в реанимации… В аварию влетел. Так что Кирилл, держись…

Я выскочил из склада и помчался, куда глаза глядят. Потом понял, что бегу домой. В голове пульсировало: «Что же делать?.. Что же делать?..»

Мама была уже дома и готовилась на работу.

– Мам, папа в аварию попал! В реанимации лежит… – выпалил я.

Мать оцепенела.

– Как попал в аварию? Ты откуда знаешь?

Я сбивчиво рассказал, что ему звонил Завмаг, а с его телефона ответил кто-то другой (я не стал говорить, что то была батина новая жена).

– Что же делать, что делать?.. – На лице мамы была растерянность.

– Надо ехать, – выпалил я.

– Куда, к кому? Сынок, это, считай, на край света! Да и семья у него другая… А у меня – работа…

– Причём тут другая семья, мама? – я вроде даже прикрикнул на неё. – Я его семья!

– Так! Успокойся, Кирилл, – мать, кажется, приходила в себя. – Это тебе не на рынок в райцентр съездить – сел на маршрутку и через полчаса на месте. Три тысячи километров – к лешему на кулички! Где денег взять на поездку? И кто поедет? Я?.. Ты?..

Мама задала слишком много вопросов и все – сразу. У меня не было на них ответов, кроме одного: кто поедет? Конечно, я! У меня и паспорт есть, билет спокойно можно купить на поезд… Только вот на какие шиши?

Мать, между тем, торопилась на работу, а мне надо было в школу. Хотя какая школа? Я даже не знаю, какие сегодня уроки. Да и Амбал там с Хлюстом… Блин, что делать?

– Быстрее шевелись, Кирилл! В школу опоздаешь! – Мать это сказала по инерции, догадываясь, что в школу я не пойду. – Вечером что-то придумаем. Попробую с работы дозвониться до больницы.

Я не могу ждать вечера, надо действовать сейчас. Ехать зайцем на поезде? Нереально. На первой же станции менты выцепят. Автостопом? В принципе, можно… Но всё равно хоть каких-то денег на дорогу надо наскрести. Грабануть банк? Смешно… Попросить у Завмага? Ну, он может дать на упаковку сосисок для кисок – типа спонсор. А на дорогу?.. Короче, полный трындец ☹

Нет, конечно, если бы всё представить, как в кино в стиле фэнтези, то – да, захватывающее путешествие могло бы случиться. А в реале?

ГЛАВА III

1. В поисках денег: мои «авгиевы конюшни» – реальные

С этими мыслями я вышел на улицу. Мимо меня со стадиона в сторону частного сектора зоотехник дядька Мишка гнал на пустырь своё небольшое стадо: овцы, козы. Наш дом – семейное общежитие, где мы живем с мамой, находится рядом с частниками.

И тут пришла мысль: а что если зоотехнику предложить свою помощь по хозяйству? Раздумывать было некогда. Я вспомнил слова Зав-

мага: решил – действуй! И я решил действовать. Мы поравнялись с зоотехником. Он заметно прихрамывал и опирался на корявую палку.

– Здрасьте, дядь Миш. А что с вашей ногой? – Мне показалось, что я это сказал заискивающе, мне стало противно, и я ощутил себя бесхарактерным заморышем.

Зоотехник, не ответив на моё «здрасьте», удивленно посмотрел на меня:

– Ну подвернул я ногу, а тебе-то что?

– Дядь Миш, а вам по хозяйству помощь нужна? – выпалил я, подавляя в себе всякие дрянные чувства и напрягая свою «стеснительную» волю. Своим вопросом я зоотехника явно озадачил.

– А с чего это ты вдруг захотел мне помогать по хозяйству?

– Ну вы же ногу вывихнули, а я бы мог что-то делать. Мне деньги очень нужны, – честно и прямо сказал я.

– Всем они нужны, – дядька Мишка что-то соображал, на его небритой и хмурой физиономии этот процесс явно отображался. Он не стал спрашивать, как все взрослые, про школу: почему, мол, пропускаешь? Сказал, как бы обрадовавшись и с вызовом:

– А есть у меня для тебя работа! Ты вообще вилы в руках держал когда-нибудь? А то вы, общежитские, как городские – к колхозному труду не приучены. Вы все в телевизор да компьютер пялитесь, работать не хотите…

– Конечно, держал! У меня дед Кирилл скотником на колхозной ферме работал, – я вспомнил деда, которого давно нет в живых и которого я при жизни не знал. Понятно, что он не мог научить меня работать вилами. Но для зоотехника это был аргумент.

– Дед Кирилл? Ну да, помню такого! Пахал, как трактор, но и бухал… – Дядька Мишка, давший такую характеристику моему покойному деду, присмотрелся ко мне повнимательнее, как будто хотел увидеть дедовские гены. – Короче, так… Надо будет убрать навоз из сарая. За зиму накопился… А то я, видишь, ногу подвихнул, не могу пока сам.

– Хорошо, – согласился я с радостью, не рискнув при этом спросить: сколько заработаю. Для начала надо получить работу. Дядька Мишка доковылял до своего дома с тыльной стороны, я – следом. Мы загнали животных в загон. Энтузиазм мой исчез, когда зоотехник завел меня в низенький сарай, где он содержал овец и коз.

– Короче, надо все почистить и навоз вывезти в конец огорода, – сказал дядька Мишка. – Вот тачка, вот вилы.

– Ну, блин, авгиевы конюшни, – невольно вырвалось у меня, как только представил, сколько навоза надо перевезти.

По конюшни я припомнил из мультика о подвигах Геракла. Интересно, а в тех древнегреческих конюшнях такой же позорный запах был? Зоотехник не дал мне додумать:

– Ты, пацан, меньше базарь. Хочешь заработать – давай, вкалывай, нет – свободен.

Я воткнул вилы в спрессованный слой навоза. М-да… Полный отстой. Мама говорит, что труд ещё ни одного ребенка не испортил. Но дерьмо нюхать, ну блин… Нагрузил одноколёсную тачку. Повёз в конец огорода. Меня кидало из стороны в сторону, еле удержал этот агрегат, чтобы не опрокинуть.

За мной равнодушно наблюдал огромный лохматый пес, сидевший на цепи у калитки. Мне, честно сказать, боязно было проходить мимо этой псины.

– Да ты не мохай, он в тебе своего признал, – успокоил меня дядька Мишка. – Да и вообще, он детей не трогает.

Я внутренне запротестовал против того, что меня за дитя признает даже пес. Однако продолжил возить навоз – управлять тачкой приловчился, да и принюхался.

Зоотехник расположился рядом под навесом. Вынимал щипцами из старых досок гвозди и ровнял их на маленькой наковальне. Конечно, лучше бы я это делал. Но…

– Что, мамка-то твоя еще в ПТУ работает? – спросил зоотехник.

– В ПТО – производственно-технический отдел, – с нескрываемой обидой за мать сказал я.

– Ну, в ПТО… Какая разница, – хмыкнул скотовод. – Скоро их будут сокращать. Мне один знакомый говорил. Он какого-то начальника из райсовета возит, или как там теперь – из администрации. Развелось их, всяких шишек и шишечек, в компьютерах сидят, работать не работают.

Мне не хотелось с этим скотоводом спорить, у меня от усталости реально подкашивались коленки. Но что этот скотовод имеет против моей матери?

– Мать не сократят, она незаменимый специалист, – устало сказал я. – На ней висят и техусловия, и информационное обеспечение…

– Незаменимых нет, есть не замененные, – сказал дядька Мишка что-то заумное. – Я вот тоже на колхозной ферме работал зоотехником незаменимым. А потом этот сраный Трофимович разорил хозяйство, всех коров под нож пустили, а меня – на четыре стороны. А я, между прочим, сельхозтехникум на отлично закончил. Начинал работать на ферме с твоим дедом. Он – скотником, я – зоотехником…

– Ну да, вы говорили. Дед как трактор пахал.

– А то! Нормальный был мужик, трудяга. Точно, пахал как трактор, не то что ты… – Он оценивающе окинул меня взглядом. – Правда, на стакане сидел… А Трофимович долбаный загнал деда твоего в гроб.

Я, конечно, помнил по рассказам старших про деда Кирилла, про мамину свадьбу, про долги, про угнанных тёлочек с колхозной МТФ.

– А ты говоришь – незаменимые… – Зоотехник снова взялся за молоток и продолжил ровнять кривые гвозди.

Усталость меня валила с ног, не хотелось ни говорить, ни слушать. Я снова ощутил себя заморышем. Может, это от йододефицита? Я вспомнил про «Меню подростка» и с тоской подумал, что даже когда-нибудь не смогу стать офицером.

2. Амбал грозился посадить меня на счетчик

Внезапно дядька Мишка остановил свое нехитрое занятие, взял в горсть кривых гвоздей и важно изрек:

– Уволят, не уволят мамку твою – это как судьба сложится… Вот возьми гвоздь. На сучок попадёт и пошёл вкривь и вкось. – Он продемонстрировал мне толстый кривой гвоздь. С каким он важным видом это сделал!

– При чём тут судьба? Мать – незаменимый специалист, – повторял я своё.

– А вдруг какой-нибудь криворукий плотник молотком по шляпке сдуру не так ударит? Вот судьба и наперекосяк…

Когда дядька Мишка заговорил про судьбу, она мне вновь представилась старой каргой с когтистым указующим перстом, а не кривым гвоздем. Это у бывшего зоотехника судьба – гвоздь под молотком. А моя, блин, как карга когтистая. Вот негодяйка, на навозную кучу меня закинула. Ух, как работать неохота, но надо! На какие же шиши до бати добираться аж на Урал? Тут из детства возникла лужа безденежья – не переплыть. Но преодолевать надо – силу воли закалять, характер ковать!

Я устал по-чёрному, руки онемели, ноги не хотели двигаться, ныла спина – реально ощущал себя заморышем. Куда делась моя врожденная гиперактивность? В душе у меня зашевелилась ненависть к зоотехнику. Вроде мужик он нормальный, с дедом моим работал, хвалил его, мол, пахал как трактор. За это я простил скотоводу вчерашнее – и что палку в меня запустил, и что обозвал соплей. Но усталость возбуждала злость на дядьку Мишку. Чертов эксплуататор детского труда!

– Всё! Больше не могу, – выдохнул я чуть ли не со всхлипом.

– А надо через не могу. В жизни всё делается через не могу, если чего-то хочешь добиться, – назидательно сказал скотовод. – Ладно, давай перекусим.

Он расстелил на ящике газету, налил в кружку козьего молока и отрезал ломоть хлеба. Я вспомнил из детства, что козье молоко горькое, но целебное. Ладно, может, один хлеб буду есть.

– Иди руки помой. Возле колодца умывальник, – сказал дядька Мишка.

Я с брезгливостью отдраивал свои руки, принюхивался к ним… Позорно, если будет навозом от меня вонять. Вновь и вновь намыливал ладони – вдруг Ленку встречу, а от меня вонизм идёт!

Эти мысли, впрочем, аппетита мне не убавили. Я жадно набросился на еду, козье молоко мне показалось не таким уж горьким. Хотя я первый раз глотнул – сосредоточился на вкусовых ощущениях.

– Что, горькое? – улыбнулся дядька Мишка, кажется, первый раз.

– Ну, есть немного…

– Оно как лекарство. Всё, что человека лечит, горькое, – философствовал дядька Мишка. Я молча уплетал нехитрую снедь, уже не принюхиваясь к своим рукам.

После перекуса работать вообще не хотелось. Моя воля в виде бомжа-бурлака совсем скукожилась и забилась в дальний угол души. А где же ещё воля живет? Именно там…

Дядька Мишка, не обращая внимания на мою волю, подгонял:

– Давай, шевелись! За сегодня надо закончить всё. Где, по-твоему, животина будет ночевать?!

– А что, ваши козы темноты боятся? – попытался я сострить.

– Не умничай! – цыкнул на меня скотовод. – Сам напросился работать. Хоть будешь знать, как рубль достается.

Я устал как собака, отвечать не хотелось. Повёз очередную тачку навоза в конец огорода.

– Эй, Кирюха, – кто-то окликнул меня. – Подойди к забору.

Сквозь щелястые доски я увидел… Хлюста. Ну, блин…

– Чего тебе?

– Привет от Амбала! – хихикнул Хлюст. – Должок за тобой.

– А тебе-то что?

– Ладно, меньше базарь. Слушай сюда, – Хлюст поманил меня сквозь щель пальцем.

– Ну?

– Когда будешь уходить, откроешь в сарае изнутри засов. Понял? Амбал сказал так. И не дай бог, если ты этого не сделаешь, Амбал посадит на счетчик… А может, ещё на что-то, – хихикнул Хлюст и исчез в зарослях.

– М-да, блин… – подумал я вслух, возвращаясь с пустой тачкой в сарай.

– Что ты там бурчишь, – оторвался дядька Мишка от своих кривых бесконечных гвоздей.

– Да блин, замудохался я, сил нет, – сказал практически правду я.

– Не ной! Надо дело до конца доводить! Пупок не надорвёшь.

Это была ошибка зоотехника – про пупок. Мне показалось, что это намек на пуповину, в которой я запутался в утробе матери и потому появился на этот свет кесаренком. Я оскорбился и окончательно разозлился на дядьку Мишку. Честно, я не хотел открывать на ночь сарай. Но раз так, раз я кесаренок в пуповине – получи, фашист, гранату! Я продолжил с остервенением ковырять навоз. Когда скотовод отвлекся, я потихоньку отодвинул задвижку на дверях. Так что с тыльной стороны можно было без труда проникнуть в сарай. Я, честно говоря, чувствовал угрызения совести – дядька Мишка, хоть и вредный, но дал мне возможность заработать, да и про деда Кирилла хорошо говорил. Но с другой стороны – Амбал!.. Понятно, что он собрался грабануть скотовода – увести барашку, а может, и целое стадо.

В голове роились всякие мысли. Про Амбала, который меня посадит на счетчик, или ещё куда, про то, что, как только обнаружится пропажа, скотовод поймет: открыл изнутри сарай я, и тогда на меня навесят кражу. Ну, блин, влип…

Работу, однако, закончил.

Зоотехник дал неплохие деньги – примерно, на 3 кг кошачьих сосисок.

В принципе, я был доволен. Но мысль про оставленный открытым на ночь сарай не давала покоя. Ну и про отца, который в реанимации, я не мог забыть – деньги-то зарабатываю на дорогу к нему. А тут ещё и про мать какие-то мысли мрачные ворочались в башке: про её судьбу, про то, что в ПТО будут сокращения… Ну везде «кривые гвозди», про которые говорил дядька Мишка.

3. Мать… забрали в ментовку и уволили с работы

В то время, когда я пахал в «авгиевых конюшнях» дядьки Мишки и ощущал себя неисправимым заморышем, у мамы на работе происходило полное скотство! Вот:

– Ирина, тебе шеф передал, чтобы ты написала заявление на полставки, – сказала толстая тетка из маминого отдела, которая вечно жевала лопушистые пирожки.

– Не поняла?

– Ну что не понятного… У нас в отделе сокращают одну единицу.

– А почему я? У меня ребенок несовершеннолетний.

– А у меня два совершеннолетних! Это ещё хуже.

– Хуже чего? – уточнила мама.

– Иметь двух совершеннолетних детей. Вот чего! – с надрывом сказала тётка.

– А я лично не говорю, что дети – это «хуже»! – Мама тут же вспомнила, как попала в аварию и потом не смогла выносить ребёнка – моего брата, значит. Она всегда об этом помнила.

– Если тебе лучше, а мне хуже, вот ты и пиши заявление.

У мамы подкатила к горлу обида, она еле сдерживала слезы, тем более вспомнила о неродившемся сыне. Мать, которая считалась незаменимым специалистом, не стала спорить с лопушистой тёткой, а пошла прямо к шефу.

– Во-первых, я сказал, чтобы твоя коллега написала заявление. Она пенсионерка, – уточнил шеф. – Во-вторых, почему у вас в отделе постоянные склоки? Почему вы вечно недовольны?

– Про склоки – это не ко мне. Я лично работой довольна, но недовольна зарплатой.

– Недовольна зарплатой? Пиши заявление и досвидос! Ищи, где зарплата лучше… – Шеф так и сказал – «досвидос», а с виду ещё такой солидный, при галстуке.

Тут случилось непредвиденное! В кабинет шефа ворвалась лопушистая тетка.

– Ах ты, сука! Побежала жаловаться на меня! – и всей тушей набросилась на маму. Мать едва увернулась от этой массы. Тетка рухнула на ряд стульев, разметав их по кабинету, как спичечные коробки.

– Нет лучше зрелища, чем когда бабы дерутся, – спокойно произнес шеф и нажал «тревожную кнопку». У директора была такая тайная кнопка на случай нападения террористов или бандитов. Заставили всех начальников поставить эту самую «антитеррористическую защищенность».

Мама попыталась помочь лопушистой тетке подняться, обнаружила, что та рассекла при падении бровь. Мать испачкалась кровью и в ужасе отскочила:

– А-а-а!.. Боже мой, у неё рана, надо «скорую помощь»! – Тетка валялась на директорском полу и горько, по-девчачьи, плакала.

Мама снова попробовала помочь подняться своей коллеге, которой в этой жизни хуже, чем ей, потому что она с двумя совершеннолетними детьми.

Дверь директорского кабинета распахнулась, вбежали бравые ребята в полицейской форме, прибывшие по сигналу «тревожной кнопки».

– Что здесь произошло?

– Что, не видите! Обеих забрать! Бабьё совсем охренело!..

– Так она сама… Вы же видели! – попыталась оправдаться мама.

Полицейские пытались оторвать от пола рыдающую лопушистую тетку.

– Этой нужна скорая помощь…

В это время в кабинет директора зашёл старший участковый и поздоровался за руку с шефом.

– Ну, у меня чуйка на такие дела. Проезжал мимо, смотрю, наши ребята из отдела. Я за ними, а тут, оказывается, мои подопечные. Я свою забираю, ей не нужна скорая помощь.

«Своей» оказалась моя мама.

– Пройдемте, гражданка, – взял под руку маму старший участковый. – В отделе разберёмся…

– Э-э-э… А работать кто будет? – вдруг спохватился директор, но было поздно.

Уже в своем кабинете старший участковый собирался составлять протокол на маму – шелестел бланками, искал ручку. Это теперь был целый майор полиции, который начинал службу помощником участкового у нас в посёлке. Он когда-то раскрыл дело о хищении колхозных тёлок скотником Кириллом, то есть моим дедом.

– До чего ж ты, Ирина, докатилась? – укорял он маму. – Видишь, тётку-то эту, коллегу твою, скорая помощь забрала. Вся в кровянке, да и на тебе кровь…

– Я не докатилась… Я вам сейчас объясню… Я запачкалась…

– Все в письменном виде. Пиши, как было, – сунул он какой-то бланк маме. Она впала в ступор и только плакала.

– Пиши, ты что, неграмотная? – прикрикнул участковый. – А ещё высшее образование имеешь!

Мама не могла унять слезы. Но не из-за тётки. Просто она вспомнила своего отца – моего деда Кирилла, значит. Она с ненавистью посмотрела на старшего участкового. Тот всё понял, потому что всё помнил…

– Ну, ты, Ирина, не слишком-то расстраивайся, – примиряюще сказал старший участковый. Потом добавил: – Зла не держи за отца своего, за Кирилла-скотника. Не моя вина в том, что он помер. Работа у меня такая. Понимаешь…

Полицейский долго молчал – думал, видимо, о том деле, когда на скотника Кирилла навесили чуть ли не полстада высокопородных тёлочек, которых, понятное дело, не нашли. Он и тогда знал, что это работа Трофимовича – зав МТФ. Да… Но скотник дуба дал – так случается. А Трофимович-то, прохиндей, так в итоге полколхоза и приватизировал… М-да… А его, сержантика, после этого дела повысили по службе – участковым поставили и звездочку младшего лейтенанта кинули. И фигурировал он во всех начальничьих докладах и рапортах как раскрывший крупную кражу.

А мама моя всё думала об отце – то есть о дедушке моём Кирилле. Хоть и простым скотником он был, а понимал, что дочке надо образование дать. Вот бы сейчас радовался, что она, Иринка, получила-таки институтский диплом. Пусть и заочно. Но с другой стороны, если бы она не ездила на эти бухкурсы, если бы в аварию не попала, может, был бы у неё второй сынок. Может, с Костей бы не разошлись. Но такая судьба. У мамы она, судьба, наверное, не когтистая тётка с указующим перстом. Но всё равно не жалует.

Мамину задумчивость полицейский понял по-своему:

– Успокойся и поезжай домой, а протокол завтра допишем. Сделаем как надо, – бодренько так сказал участковый и засуетился: – Давай, я тебя отвезу, что ты будешь на маршрутке тащиться?

Мама хотела отказаться, но, когда встала, у неё начали подкашиваться ноги. Участковый это увидел:

– Я тебя отвезу, не стесняйся. Это мы без проблем. Что мы, не люди?

Мать тряслась в милицейском «уазике» и думала: «Это батя меня выручил. Уже нет в живых его 15 лет, а вот выручил. Ну надо же, забыла. Как раз завтра ему день рождения. В церковь сходить надо – помянуть отца».

Мама, которая не отличалась особой набожностью, ехала домой и улыбалась про себя: она четко понимала, что её оберегает кто-то свы-

ше. На работе, между тем, спешно оформляли приказ об увольнении сотрудницы-хулиганки «по собственному желанию». Даже юриста стороннего привлеки. «Зачем “пятно” на репутации предприятия? – здраво рассудил тот. – Да и место освобождается без сокращения». Директор с удовлетворением согласился.

4. Водка мамы, сирень Маришки, мои разборки с Амбалом

Милицейский «уазик» подкатил прямо к окнам нашего общежития и с визгом затормозил. Я, вернувшийся от дядьки Мишки-зоотехника, уставший и озабоченный, как раз шарил в холодильнике насчёт чего-нибудь погрызть. Глянул в окно и обомлел: менты! За мной? Так быстро? Ни фига себе! Ещё же ничего не произошло! Из «уазика»… вышла мама. Почему её привезла полиция? Почему она так рано с работы?

Хлопнула входная дверь, мать вошла.

– Ты почему не в школе?

– Я заболел, – сказал я почти правду, потому что чувствовал себя фигово – от усталости и от переживаний. Мать не стала ничего расспрашивать, а ушла в комнату и рухнула на постель, не раздеваясь. Я понял: что-то не так.

– Мам, что случилось? Почему так рано с работы? – в ответ молчание. – Мам, ты чего? – я потихоньку потряс ее за плечо. Она резко встала:

– Ничего… Уже ничего!.. Ни-че-го… ни-че-го… – механически повторяла она. Открыла холодильник, достала полбутылки водки, стоявшей с незапамятных времен, налила себе. Посмотрела сквозь меня. У неё были странные, как бы не видящие глаза – припухшие, заплаканные. Мать залпом выпила водку. Вообще-то, за ней этого не водилось, она не пьющая. Разве что иногда пиво.

– Не бойся, Константинович, мать твоя алкашкой не станет.

Я как раз этого забоялся, у нас в общаге со злоупотреблением у многих проблемы. Да и дед мой, говорят, был сильный любитель выпить. Опять же, батя… Ну, это не наша с мамой тема, надеюсь.

– Мам, ты чего? – по-другому я не мог сформулировать своего удивления.

– Я снимаю стресс… Меня увольняют… Меня в тюрьму сажают, – ответила она притворно пьяно. А может, и правда так быстро развезло. – Всё, оставь меня. – Она ушла в комнату, заперлась там и заплакала навзрыд.

Я остался на кухне и слушал через закрытую дверь ее рыдания. Слушал и переваривал: «…увольняют, в тюрьму сажают…».

Мне было невыносимо жалко маму, и батю было жалко. Я ведь и о нём всё время… он же в больнице, в реанимации. В итоге стало и себя жалко… Комок подкатил к горлу и слёзы сами потекли. Но я не плакал, слёзы – они сами… Нет, я не плакал. Мне уже 14 лет, я практически мужчина. Мягкое сердце пацану никак нельзя иметь. Мужчине плакать позорно.

Я сильно и надолго зажал глаза, стараясь не выпускать слёз. Уткнулся в ладони – пытался прекратить свою слезоточивость. Так и заснул за столом. Это я понял, когда мне стал сниться странный, но знако-

мый сон. Я взбираюсь по лестнице без перил. Внизу – папа, мама и я маленький.

Мать мне:

– Ой, осторожно!..

– Подожди, Кирилка, я сегодня же поставлю перила, – говорил снизу папа.

А на балконе (или на постаменте?) – Ленка. Я знал, что это сон, потому что и во сне думал: «Как это? Маму уволили, папа в реанимации, но в то же время – они вдруг внизу? И опять эта Звездная Звезда!»

Встал, умылся. Прислушался – мама тоже перестала плакать. Я осторожно приоткрыл дверь – она спала. Ну, хорошо, – подумал я.

Противно зазвонил мой сотовый. Я его не любил по многим причинам: на нём почти всегда не было денег, он был допотопным – кнопочным, а не сенсорным, как у всех, на него нельзя было закачать нормальные игры. Этого хватало, чтобы не любить мой телефон. Он и сам это понимал, потому редко звонил. А что ему звонить? Кто с заморышем хочет говорить? Я вот и сейчас удивился. Сначала попытался рассмотреть на маленьком, потрескавшемся экранчике номер. Ни фига не было видно. Но отвечать надо – слишком настойчиво и противно верещал телефон – не разбудить бы мать.

– Алё, слушаю…

– Привет… Выйди, поговорить надо, – это был голос Маринки. Глянул в окно – никого.

– Ты, что ли, Маринка?

– Выходи, надо что-то важное сказать…

Когда я вышел во двор, из-за кустов сирени, которая только начала цвести, возникла Маринка.

– Привет, Кир…

– Привет… Чего надо?

– Тут такая тема, – начала она взволнованно, шепотом и как бы не на своем языке. – Я нечаянно подслушала… В общем, Амбал со своей кодлой сегодня ночью хочет у дядь Миши барана стащить. Это Ленка им шашлык заказала. На спор, что они для неё…

– У зоотехника, говоришь?

– Ну да…

– И что?

– А то, что они тебя подставят… Я все знаю, ты сегодня работал у дядь Миши и изнутри открыл сарай…

Я не стал расспрашивать Маринку о других подробностях, потому что и сам понимал – они, Амбал и его кодла, меня конкретно подставляют. А Маринка на меня так странно смотрела, у нее, оказывается, красивые глаза, как у моей мамы. Дурочка, влюбилась что ли, в меня? Мне стало как-то неловко, но и приятно… Наверное, не такой я уж и заморыш. Так, ладно, это всё лирика, розовый кисель. Что делать с открытым сараем на скотном дворе?

Маринка сорвала гроздь распускающейся сирени, нервно крутила веточку и всё смотрела на меня, странно так смотрела. Я старался на неё не обращать внимания. Тут что-то надо решать, а она… Вот именно, розовый, даже сиреневый кисель.

– Кир, давай пойдём до дядь Миши и всё скажем. По-честному…

– Что я, лох последний, что ли?

– Причём тут лох! Это Амбал тебя хочет подставить как последнего лоха. – Она была убедительна и даже, кажется, красива – вся, не только её глаза. Хотя какое мне дело до её красот?

Тут из-за угла дома появился рыжий Дениска с моим портфелем.

– Привет, что вы тут, любовь крутите?

– Фу, дурак! – фыркнула Маринка, развернулась и быстро пошла прочь.

– А фигурка у неё нормалёк, – оценил Дениска.

– Дэн, ты что несёшь!

– А что, ревнуешь? – Дениска задорно смеялся. – Да ладно, все знают, что она за тобой бегает.

Я хотел треснуть Дениса своим полупустым портфелем, но он, гад, увернулся.

– Ладно, ладно, успокойся… Амбал про тебя спрашивал, что-то они замышляют.

– Да знаю, что они замышляют. – Я вкратце рассказал Денису ситуацию.

– М-да… – только и сказал он.

– Короче, я иду к Амбалу, там разберёмся…

– С кем? С Амбалом? Ты разберёшься? – Денис глубоко усомнился.

– Посмотрим… Ты не вписывайся, но будь со мной рядом.

Я подумал о маме, которая выпила водки, про отца, который после аварии весь в гипсе. А тут ещё Амбал. Короче, везде засада ☹

5. Как я мутузил Амбала на глазах у Ленки и его кодлы

Уже совсем стемнело. На меня навалилась усталость, как будто сам Амбал придавил своей тушей. Слишком много за один день событий: «авгиевы конюшни» у дядьки Мишки, мамины непонятки с работой и полицией, появление Маринки с сиренью. Теперь вот рыжий Денис как свидетель моего будущего позора.

Я, дурак, ляпнул про разборки с Амбалом, хотя и сам не знал, как это будет выглядеть. Понятно, что если сойтись с ним один на один, он меня отмутузит по полной программе. Не пойти к Амбалу? Конечно, Денис поймёт правильно. У меня прямо на поверхности души ворочался страх наподобие бородавчатой лягушки. Фу-у-у…

Я напряг свою волю, которая так и оставалась типа бомжа-бурлака в стиле фэнтези. Но у меня сжались кулаки, и где-то внутри встрепенулась мощная птица под названием смелость. Она, моя смелость, была похожа на орла. Ну что я напридумывал? Страх в виде лягушки, смелость – орел… Полная белиберда. А почему орлы лягушек не едят? «Так! Характер бойцовский надо формировать», – внушал я себе.

– Кирюха, ты что, загрузился? – это рыжий меня окликнул. – Давай, не пойдем, ну его нафиг, этого Амбала.

– Я вот тоже думаю… Сегодня так у зоотехника навкалывался, сил нет, – готовил я себе отступление. – Да и мать… Как там она?

– А что с ней?

– Да есть проблемы… – Я не стал Денису говорить про то, что мама выпила водки, про участкового. – Короче, Дэн, подожди меня, портфель отнесу.

Я вошёл в подъезд, поднялся на ступеньки и приоткрыл дверь нашей квартиры. Оттуда слышалась любимая мамина песня:

Ты, река ли моя, чиста реченька,
Серебром ключевым ты питаешься,
От истоков струишься отеческих,
Меж камней-валунов извиваешься…

Мать прервалась:

– Это ты, Кирилл?

– Да мам, я…

– Что ты там гремишь?

– Да у Дениса велосипед сломался, ключи ищу.

У нас на шкафу в прихожке был ящик, где хранился разнокалиберный инструмент: молоток, щипцы, ключи и прочие железки. Я, честно говоря, искал не ключи для велосипеда, а что-нибудь поувесистее, чтобы долбануть Амбалу по мозгам. Разводной ключ взять, что ли? Или молоток? Нет, так можно Амбала и убить. Я окинул глазами кухню. О!.. Скалка, которой мама иногда раскатывала тесто для пирожков и вареников. Вспомнил про её знатные пирожки с капустой, и захотелось хавать. Пошарил по холодильнику – ничего, кроме майонеза. С хлебом пойдет. Густо намазал ломоть, взял скалку. Она удобно легла мне в руку.

Вышел на улицу.

– Будешь? – спросил у Дениса и протянул ему хлеб с майонезом.

– Ешь сам, тебе силы нужны, – он рассуждал правильно.

– Это что? – спросил Дэн про скалку.

– Орудие пролетариата. – Денис понял.

Я знал, где может сейчас находиться Амбал со своей кодлой – в школьной котельной, которая разместилась в полуподвале. Отопительный сезон закончился, но у них откуда-то ключи от котельной.

Подошли. Из котельной доносился ржач. Кажется, и девчачий визг.

Всю дорогу я обдумывал, что скажу Амбалу и что с ним сделаю. Во-первых, скажу, что я ни глист и ни заморыш. Во-вторых, что я ему ничего не должен – ни одной сигареты, ни полспички. В-третьих, звездану скалкой по голове! Не в висок, конечно. Не дай бог убить. А прямо по кумполу, чтоб отрубился!

Мы с рыжим Денисом спустились вниз по ступенькам. Прислушались… Амбал, конечно, был здесь! Там живо обсуждали шашлыки из баранины.

Амбал раскинулся в допотопном кресле в профиль к входу, потому нас не увидел. По кругу – его кодла, человек пять-шесть, среди них детдомовские пацаны. М-да! Я не имел никаких шансов… Мне захотелось сквозануть отсюда, но… встретился глазами с Ленкой! Она – здесь? Ничего себе! Звёздная Звезда причудливо взгромоздилась на широком подоконнике. Над всеми – как всегда, на высоте, на пьедестале…

– Оба-на! Иди-сюда-стой-там! – Это Хлюст увидел меня.

– Пошли отсюда, – шепнул мне Денис, стоявший рядом. Честно говоря, я хотел этого, и даже ждал от рыжего таких слов. Но тут Амбал лениво повернулся в мою сторону:

– Ну, ты, глист, тебя кто сюда звал? Что надо?

– Никто не звал, сам пришёл, нужно поговорить, – выдавил я из себя, перебарывая мандраж. Правой рукой под мышкой нащупал скалку, это чуть успокоило.

– Ты, наверное, хочешь рассказать, что сарай у дядьки Мишки оставил открытым, – Амбал нагло ухмылялся. – Ну ладно, будем считать, что пачку сигарет ты отработал…

Моя решительность окончательно улетучивалась – я забыл домашнюю заготовку: про то, что я ни глист и ни заморыш. Но я все же помнил, что должен звездануть Амбала скалкой по голове. Лишь бы не в висок! По кумполу – и отрубить его…

– Кирюха тоже хочет шашлычка, – подала голос со своего возвышенного подоконника Ленка.

– Хавку надо заслужить. Если Хлюст возьмёт его с собой, может, свою косточку и получит, – сказал Амбал под недружный хохоток своей кодлы.

То, что пацаны смеялись не особо дружно, меня немного успокоило. Не все, видно, здесь так уж безоговорочно поддерживают Амбала. Это был толчок к действию! А ещё – Звёздная Звезда! Я, может, для неё ореховую аллею посадить хочу, а она… Пусть посмотрит, как я сейчас урою Амбала! Конечно, это не по-честному – я со скалкой, а он с голыми руками, сидит, расслабился. «По-честному, не по-честному…» – это было похоже на отговорки.

Я выхватил скалку и слёту врезал Амбалу! Он, скотина, успел отвернуться, и удар прошелся вскользь. Амбал вскочил, ошарашенный. Я продолжал колотить его скалкой, видно, удары мои не сильно достигали цели – всё по рукам, по плечам. Амбал начал хаотично отмахиваться и кричать:

– Мочи его, глиста! Что стоите, козлы…

– Пусть один на один, один на один! – Рыжий Денис тоже кричал, расставляя руки и как бы удерживая пацанов. Те, впрочем, только расступились, а Ленка с пьедестал визжала, поджав ноги:

– Хватит, хватит!..

Здоровяк Амбал все же сильно зацепил меня своим огромным кулаком. Я отлетел прямо на ящик с песком под противопожарный щит. В ушах звенело, перед глазами плыли радужные круги. Из носа хлынула кровянка. Уже мало что соображая, я швырнул горсть песка в лицо Амбалу, наседавшему на меня.

– А-а-а… Тварь… Глаза мои, – завопил Амбал, закрывшись ладонями.

– Мочи Амбала!.. – кто-то крикнул мне.

У меня не было сил. Скалка валялась поодаль. Я устало пнул Амбала ногой. Он неожиданно скрючился и свалился, продолжая кричать:

– А-а-а!.. Глаза мои!..

6. Спасительница Маришка привела на разборки грузчика, в итоге – боевая ничья

Ошарашенная Звёздная Звезда Ленка, поджавшая ноги на подоконнике, вдруг крикнула:

– Атас, кто-то идёт! – из полуподвального окна она увидела, как промелькнули чьи-то ноги.

Но было поздно. На пороге появился дядька Сергей – бывший грузчик из «Гипермаркета».

– Эй, шелупонь, вы что тут беспредел творите?! – рявкнул он со ступеней.

– Кирюха, рвём когти, – дёрнул меня за рукав Дэн.

– А-а-а… Кто тут? – орал Амбал. – А-а-а, мои глаза… Воды, твари, дайте!..

Уволенный грузчик подрабатывал сторожем в школе и знал, где находится кран с водой.

– Кирюха, валим отсюда, – тащил меня Денис. Я не мог идти: сопатка разбита, глаз заплыл, внутри всё нестерпимо болело так, что хотелось плакать. Но мужчины не плачут…

– Я тебя, щенок, урою… Я тебя размажу!.. – Это орал Амбал, который кое-как промыл свои глаза. Осознание того, что он сейчас действительно может урыть и размазать, придало мне сил – я вроде даже побежал по ступенькам, поддерживаемый Денисом. Мимо нас шмыгнула Ленка…

Чуть поодаль от школьной котельной за деревьями стояла Маришка – всё ещё с дурацкой веточкой сирени.

– Кир, что с тобой… Ой, ужас! – испугалась она. – Пошли к нам… Теть Галя моя медсестра все-таки…

«Нет, эта девчонка – не мышка-норушка, определенно», – подумал я.

– А ты откуда знала, что мы здесь? – спросил Денис Маришку.

– Что, у меня глаз и ушей нет? – фыркнула она. – Я и дядь Сергея сюда прислала. Он был у теть Гали, у них же отношения…

– Спасительница! – как-то неопределенно сказал Денис. Я в их диалог не вмешивался, сил едва хватало тащить ноги.

– Да, спасительница… Амбал и его кодла могли бы Кира убить! – горячилась Маришка.

– Между прочим, никто и не вписался за Амбала. Все стояли и смотрели, как Кир его звезданул по башке, – отметил довольный Дениска.

– А эта … королевишна, Ленка, тоже там была, да? – спросила с явным осуждением в голосе Маришка.

– Была, – как-то нехотя ответил Денис.

…Мы зашли к Маришке, которая жила в частном секторе недалеко от школы. Возле колодца я немного отмылся. Маришка и Денис помогали.

На шум у своего колодца вышла из дома тётя Галя:

– Батюшки!.. – всплеснула она руками. – Что случилось?

– С лестницы упал, – промямлил я, перед глазами поплыли круги. Я рухнул без сознания. В другой реальности явственно увидел лестницу – ту самую, которую делал мой отец, и на которую я во сне поднимался.

– Кирилл, смелее! Видишь, я сделал перила! – сказал отец и я шагнул на эту лестницу.

Как потом оказалось, меня уложили у тёти Гали – прямо во дворе под навесом. Позвонили маме, та молниеносно прибежала.

– Надо скорую и полицию вызвать, – сказала тётя Галя.

– Может, полицию не надо? – засомневалась мама, вспомнив свои сегодняшние события на работе и разговор с участковым.

– Как не надо? Её сына искалечили, а она – «не надо»! – возмутилась тёте Галя.

Появившийся тут же дядька Сергей отрезал:

– Ментов – не вызывать. Пацаны сами разберутся.

Все согласились. Скорая помощь приехала достаточно быстро. Молодой фельдшер бегло осмотрел меня, перебрасываясь медицинскими фразами с тётей Галей:

– Гематома, ссадина… Повреждения носа нет, – как-то весело рассказывал о моих «трофеях» фельдшер. – Ничего смертельного. Понятно, пацанские драки. Он худой, но жилистый. До свадьбы заживет.

Мне это понравилось – худой и жилистый, как про батю… Ну, и про свадьбу тоже.

Только уехала скорая помощь, тут же подрулил старший участковый, хотя никто его и не вызывал:

– Ну и семейка! Вроде, тихие-тихие, а две драки за один день учинили, – устало констатировал полицейский.

Тётя Галя, не знавшая о маминых приключениях на работе, вступилась за нас:

– Нормальная семейка! Только неполная…

– Вот и я о том же. Была бы полная, проблем меньше было бы. Безотцовщина…

– А вы лучше следите, чтоб отцы-беглецы алименты платили!

– Это не по адресу. Есть суды, есть судебные приставы, – спокойно разъяснил участковый и обратился ко мне: – Так, сегодня ты рассказать что-либо не в состоянии, – вздохнул он. – Давай завтра. Жду тебя в опорном пункте… С мамашей.

– А протокол составлять будете? – вмешалась тётя Галя.

– Разберёмся…

– Они бы сами разобрались, командир, – вмешался стоявший в стороне дядька Сергей. – Делов-то, пацаны подрались. Тем более – боевая ничья.

Старший участковый вопросительно посмотрел на бывшего грузчика:

– Если есть что-то заявить по существу, завтра в опорный пункт…

– Нет уж, без меня, – дядька Сергей выкинул перед собой ладони, как бы защищаясь.

– Вот и я так думаю, что лучше без тебя, – заключил участковый.

– Серёжа, пойдем, – сказала тётя Галя и увела грузчика в дом.

Мы тоже вышли из двора тёти Гали.

Маришка, провожая нас за калитку, по-серьёзному, не так, как в дурацкой рекламе, сказала:

– Всё будет хорошо!

Дениска, который всё это время не отходил от меня, как бы невпопад ответил:

– Ну, Амбал обломался с шашлыками…

– Да, точно, облом у них, – согласился я и спохватился, как бы мама ничего не стала расспрашивать. Но она, видно, не обратила внимания на несостоявшийся шашлык – не в теме была. А то бы ещё и ей всё объяснять. Хорошо, что не спрашивает, почему я в котельной оказался. Надо что-то придумать правдоподобное.

Дома мать меня осмотрела и успокаивающе сказала:

– Мужчину синяки украшают …

– Мам, мужчину шрамы украшают!

– Ну да… И синяки тоже, – улыбнулась она через силу. – Фингал, конечно, у тебя завтра будет знатный. Как в школу-то пойдешь, что Наталье Анатольевне скажешь?

– Утро вечера мудренее, – сказал я ей и сам удивился свое мудрости. Расспрашивать меня, что я делал в котельной, мама не стала. Ну, вдруг спросит, наплету ей что-нибудь про «зашёл воды попить» .

Всё, спать! Я провалился в сон. Невероятно, но мне снова снилось: я поднимаюсь по лестнице, теперь уже с перилами. Внизу мама с папой. И, как мне показалось, Маришка рядом с ними – с дурацкой сиренью в руках. Странно…

– Сын, как перила? – спросил отец.

– Нормальные, – ответил я.

В этот раз на пьедестале Ленку не видел, да и вообще никакого балкона-пьедестала не помню… Куда я взбирался, сам не понял – не в небо же?

7. Я сам начал верить, что Амбала отмочил – трудная победа за мной

Утром в школу не пошёл. Нас же с мамой вызвал участковый. Отправились в опорный пункт полиции, я – в тёмных очках. Там уже сидели: Амбал, Хлюст, кто-то из детдомовских пацанов с воспитательницей – Денискиной матерью и… Ленка. Тут же был её отец.

Участковый сразу отпустил детдомовских:

– Я с вами отдельно проведу профилактическую работу.

– Ой, спасибо, – сказала Денискина мать. – У нас работает кабинет профилактики. Мы вас ждём, товарищ майор!

Денискина мать поспешила вытолкать из кабинета своих детдомовских воспитанников.

– Ну да! В детдоме меня особенно ждут, – сказал с сарказмом участковый и обратился к нам: – Ну, что, хулиганьё, скажете?

Никто ничего не хотел говорить, все завидовали детдомовским, которые так просто отделались. Амбал, понимая, что от него ждут первого слова, сказал:

– Да всё нормально, претензий не имеем.

– Претензии я к тебе имею, – сказал полицейский.

Он нас долго отчитывал. Говорил про вредность курения, про коварство «лирики», про… шашлык из ворованной баранины.

Мама, к счастью, не поняла, о чём речь.

Потом в дверь заглянула тётя Валя – администраторша с автомойки, мать Амбла и Хлюста.

– Валентина, я же тебе сказал, сам разберусь, – сурово произнёс Завмаг. – Иди, работай…

– Пусть послушает, раз пришла, – сказал участковый.

– Товарищ майор, – с чувством обратился Завмаг к участковому. – Может, дети подождут за дверями, а мы тут по-взрослому?

– Ну да, дети… – с недоброй улыбкой посмотрел на нас участковый. – Ладно, марш за дверь, – скомандовал он нам.

Мы гурьбой вывалили в коридор. О чём говорили взрослые, не было слышно. Хлюст прильнул ухом к двери.

– Ну что там? – с деланным равнодушием спросил Амбал. Хлюст только прижал палец к губам: – Тс-с….

– Короче, я уже сказал, что претензий не имею, – обратился Амбал ко мне. – А ты, заморыш?

– Тоже не имею, – с удовлетворением ответил я, стараясь глядеть прямо в красные глаза Амбала. Убедившись в наличии приличного синяка и на его физиономии, добавил: – Но я не заморыш…

– Что-то ты раздухарился, – с тихой угрозой произнес Амбал. – Ты вчера поступил не по-пацански, понял?

– Понял, – я краем глаза видел Ленку, это мне придало сил. – Но на «понял» меня не бери.

– Да ты не понтуйся перед Ленкой, – засмеялся Амбал. – Она же знает кто есть кто…

Распахнулась дверь кабинета участкового:

– Быстро заходите, – тётя Валя смешно замахала ластами рук.

– Так! Я тут с вашими родителями поговорил. Мне их жалко по-человечески. И вам не хочется портить жизнь, – участковый медленно обвёл взглядом нашу ватагу. – Но некоторые по-человечески не понимают.

Из-за стола грузно встал Завмаг:

– Вас, сопляков, товарищ майор, можно сказать, от тюрьмы спасает, а вы не понимаете.

Он долго читал нотации: про тяготы жизни (и смотрел на меня), про зловредную «лирику» (и смотрел на Амбала), про то, как трудно родителям добывать хлеб насущный (и смотрел на свою дочку). Потом почему-то перешёл на товарно-денежные отношения, низкую платежеспособность населения, маркетинг. Словечек всяких наговорил – фиг поймёшь. Сказал, что сейчас такое время, когда человек человеку – волк.

– А вы друг другу не должны быть волками погаными. Жизнь и без того на вас таких зверей напустит, что мама не горюй! – И завершил тем, чем начал: – Товарищ майор, вас, считай, из тюрьмы вытащил. Должны понимать это…

– Задача участкового – не сажать в тюрьму, а оберегать от неё! – пафосно сказал майор.

Короче, нас отпустили. Звёздная Звезда стремглав побежала в школу – от отца подальше. Амбала и Хлюста тётя Валя по очереди бессильно колотила кулаком по спине: «Мучители… Мучители!..» Они удалились. Моя мама окинула меня любящим взглядом: «Мужчина!» Мне было приятно слышать. Я ещё вспомнил, как мама называла меня «кормилец». Я расцвёл!

– Ирина, вот опять ты поощряешь раздолбайство своего сына, – сказал Завмаг, но потом добавил: – Хотя, конечно, орёл! Пойти против Амбала, хоть и с дубиной?!

– Не с дубиной, а только со скалкой, – уточнил я. У меня душа пела – орёл, в виде смелости, распирал мне крыльями грудную клетку.

– Ирина, – окликнул мою маму майор, выглянув из кабинета. – Зайди, надо порешать ещё одну задачу.

Мама вернулась в кабинет участкового, а Завмаг продолжал:

– Бывало, нас с твоим батей тоже целая кодла метелила. Мы ж с ним одноклассниками были, я говорил: тощий и толстый, – он осекся. – Короче, за одного битого двух небитых дают. Как он там, батя твой?

– Не знаю, не звонил, – признался я. У меня, как всегда, не было на телефоне денег. К тому же, если отец в реанимации, кто ответит?

Завмаг набрал батин номер:

– Здравствуйте… Это номер Константина? Как он там? Кто я ему? Я его родственник, – преувеличил Завмаг, мне это понравилось.

– Выписали из реанимации, говорите? Нужен уход? Понятно…

Как раз вышла мама.

– Ну что он там ещё? – спросил её Завмаг, кивая на кабинет участкового.

– Всё нормально, – улыбнулась мать. – Дедушка Кирилл помог.

– В каком смысле дедушка Кирилл? – удивился я. – Он же давно умер.

– Вот так и помог… Участкового совесть замучила. Признал, что несправедливо на папку моего навесили «хищение в крупных размерах». Вот сердце дедушки твоего и не выдержало такой несправедливости.

– Слышал об этом случае, – сказал Артем Артёмович. – Загнали в гроб мужика, царство ему небесное!..

– В воскресение, кстати, у дедушки нашего день рождения, – сказала мама. – Надо сходить в церковь, помянуть…

За матерью, я знаю, сильной набожности не замечалось. А тут…

Мама поехала на маршрутке в ПТО увольняться. Я поковылял домой. Не в школу же с такой физиономией?!

– Кир! – Я обернулся: меня догоняла Маришка. – Привет.

– Привет.

– Ну что там? – она кивнула в сторону опорного пункта полиции.

– Нормально. А ты что не в школе?

– Сейчас же большая перемена. Вот, прибежала к тебе, – радостно сказала Маришка. – Там вся школа жужжит про тебя и Амбала. Как ты его отмочил.

– Да ладно…

– Ну, я побежала, – она сорвала веточку вездесущей сирени и помчалась в сторону школы, смешно запрокинув набок голову.

– Дура какая-то, – посмотрел я ей вслед и чего-то заулыбался. Разбитые губы мешали улыбке, но я весело пошагал домой.

Зазвонил телефон. Это был рыжий Дениска.

– Кир, привет!

– Привет, Дэн!

– Ну, ты как?

– Нормалёк!

– Слушай, тут вся школа в шоке! Все перетирают, как ты Амбала мочил.

– Да ладно, Дэн… Ты-то видел, как это было.

– Да круто было! Ты вообще героин. Ну, пока!..

– Пока…

Я, кажется, загордился. Интересно, как там Ленка? Наверное, про макаронины мои уже не рассказывает! Я и сам начал верить, что действительно отмочил Амбала. Может, я буду офицером спецназа!

8. Как мы с Денисом внесли свою лепту

В воскресение хотелось поспать. Но мама разбудила.

– Константинович, мы же в церковь сегодня.

– Мам, ну это без меня…

– Как без тебя? У дедушки Кирилла ведь день рождения, я ж говорила…

– Да не по кайфу как-то с синяком…

– И мне неудобно, – призналась мама. – А вдвоем – нормально. Очки черные наденешь.

Церковь в нашем поселке Лесостепном, который «ни к селу ни к городу», начали строить лет несколько назад. Я видел ее издалека. До купола строительство ещё не дошло. Но службу там уже проводили.

Мама накинула легкий платок и мне показалась такой необычно красивой – прямо мадонна какая-то. Я аж загордился ею.

– Мам, ну ты у меня красавица!..

– Да брось ты… Придумал. Лучше перекрестись, – и сама неумело это сделала. У меня и вовсе не получилось – как-то не по кайфу.

Во дворе на подмостях и весь в лесах стоял каркас купола. Мастера еще не все золочёные пластины прикрепили. Сегодня они не работали.

– Красиво… – с благоговением сказала мама.

– Да, классно, – согласился я.

Служба в недостроенной церкви шла в подвале. Сошли по ступеням вниз. Там был полумрак и не так, чтобы красиво. Подвал же… Поп (ну или батюшка, как там правильно?) был молодой и здоровый. Говорят, он служил в горячих точках. Народу немного – старушки в основном.

И мы с мамой.

Священник мощным голосом читал молитву. Я вслушивался, но ничего не соображал. Глянул на маму – она буквально внимала… Ну ладно, это для неё, значит, нужно. Да и деда Кирилла, главное, помянуть. Пусть…

Ко мне подошла какая-то старушка и потихоньку тронула за плечо:

– Сними черные очки, – шепотом сказала она, – грех.

– Мне нельзя, у меня травма.

– Вижу, какая травма…

На наш шёпот начали оборачиваться люди. Упс… Среди них я увидел классную – биологичку Наталью Анатольевну. Ничего себе! В платке её трудно было узнать. Или мне показалось? Я быстренько выскользнул из церкви.

Во дворе увидел… рыжего Дениску.

– О, Дэн… Привет. Ты что тут делаешь?

– Да ёлочки поливаю. Дед весной приезжал из Соликамска, привёз, посадил. Елочки с Белой горы, Уральского Афона.

– А что такое Уральский Афон?

– Ну, монастырь там, под Пермью, Белогорский. Святое место…

– Дэн, и ты во всю эту лабуду веришь? Святое место и всё такое?..

– Ну… – Дениска неопределенно пожал плечами, – Я тут ёлочки поливаю. Говорю же, дед мой попросил. – Рыжий, кажется, смутился и обиделся.

– А это где – Соликамск?

– В Пермском крае. Дед там живет, он шахтером был, сейчас на пенсии. Приезжает к нам каждый год. Вот привёз елочки.

Ну да, отец тоже хотел в Соликамск – шахтером, как Денискин дед. Но по здоровью осел в Перми.

– Так они же, елочки-то, засохнут. У нас такая жарюка.

– Не засохнут. Дед сказал – со святых мест. Просто надо поливать постоянно, – рыжий хмурился и явно не хотел говорить об этом.

Я поспешил замять тему и переключился:

– Так что, ты говоришь, там, в школе?

– Да я тебе ж рассказывал. Все в шоке, что ты Амбала отметелил!..

– Эй, пацаны! – донеслось откуда-то сверху. – Поднимайтесь сюда…

На верхотуре, на недостроенной колокольне стоял мужик с мастерком в руках.

– А… Это дед Геннадий… Он тут все время работает, – пояснил рыжий.

Мы с Денисом поднялись. Я насчитал сорок ступенек – трудно! Забрался, огляделся. У-у-у, кайф! Наш поселок Лесостепной был виден как на ладони. Вон наше общежитие проглядывает сквозь деревья, огороды и сады частников зеленеют, и крыши, крыши… На окраине поселка маленький ремзавод торчит ржавыми трубами – давно не работает. Поля примыкают к поселку – бывшие колхозные, а сейчас арендаторские. Но зеленые… Им, полям, наверное, все равно – колхозные они или арендаторские. Тракторишко какой-то там снует.

У меня аж голова закружилась, как от пива. Вспомнилось «пьянство» своё, надо же, в таком месте. Или, может, потому что утром не поел нормально – поэтому головокружение?

– Ну, пацаны, – обратился к нам дед Геннадий, – вы даже не представляете, какое богоугодное дело сейчас будете делать.

– А что нужно-то? – спросил рыжий.

– Надо мне кирпичи подавать… Видите, они закончились, а я один. А как одному кладку вести?

Если честно, работать не особо хотелось, да и тело у меня всё болело от вчерашних разборок с Амбалом и от «авгиевых конюшен» дядьки Мишки.

– А в воскресение грех работать, – я вспомнил, что мамина подружка всезнающая тётя Галя говорила ей, что стирать в этот день нельзя.

– Если трудишься во имя господа Бога, то можно и нужно, – сказал дед Геннадий. – Так мы только укрепляем связь с Творцом.

Он говорил как-то возвышенно, витиевато и не очень понятно, даже неудобняк было слушать. Но мне понравилось, что дед Геннадий ничего не сказал про очки и про фингал, который, конечно, трудно было скрыть.

Мы с Денисом начали подавать кирпичи на строительные подмости деду Геннадию.

– Наденьте перчатки, – сказал дед.

– Мы что, белоручки какие-то?..

– Это техника безопасности, – строго сказал дед Геннадий.

– Он настоящий инженер-строитель, – как бы оправдал его Дениска.

– Моя мама тоже инженер, между прочим.

– Да знаю... Ты сто раз уже говорил… Инженер, не миллионер, – гигикнул Денис.

Работали, наверное, час-полтора. Руки гудели от напряжения, спину – ломило. Я очень устал. Конечно, вчерашняя пахота у зоотехника, махаловка с Амбалом, а тут ещё сегодня – кирпичи… Да и Денис тоже уже с трудом управлялся.

– Давайте, пацаны, – подбадривал дедок. – Ещё немного. Вот так каждый вносит свою лепту.

– А можно, мы сами хоть по кирпичу положим? – попросил Дениска.

– Конечно, – улыбнулся дед Геннадий. – Мои почетные подсобные рабочие...

Мы с рыжим уложили по несколько кирпичей. Это со стороны кажется, что легко делать кладку стены. А мы по шнуру кирпичи укладывали и то немного накосячили. Дед Геннадий поправил.

– Вот так! Ну, вы свою лепту внесли. Богоугодное дело сделали. Идите, пацаны, теперь я сам справлюсь, – и отпустил нас.

Как раз из церкви выходили люди. Среди них наша классная – биологичка. М-да… Я, оказывается, не ошибся. Мамы почему-то не было…

Мы спустились по гулким ступенькам, смотрели с Дениской снизу вверх, пытались найти в стене будущей колокольни свои кирпичики. Дед Геннадий помахал нам сверху мастерком.

Окончание следует